

Хронологический детектив
Анна Трефц

Следствие ведет

Блондинка

Анна Трефц

Следствие ведет блондинка

«Автор»

2023

Трефц А.

Следствие ведет блондинка / А. Трефц — «Автор», 2023

Что общего между опасным вирусом и плохой сырокопченой колбасой? Не спешите с ответом, он не так очевиден. Над разгадкой бились лучшие умы, на пути к истине развернулось кровопролитное сражение. Погибли люди. А разгадала тайну легкомысленная блондинка. Случайно, разумеется, как же еще. Хотя... это тоже не так очевидно. Хотите подробностей? Тогда открывайте книгу и наслаждайтесь загадками, интригами, погонями, приключениями и страстями. Будет страшно и смешно. Обещаю!

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	20
Глава 3.	29
Глава 4.	39
Глава 5.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Анна Трефц

Следствие ведет блондинка

*Только в американских фильмах 20-летняя блондинка с 4-м размером бюста
может быть специалистом по атомной энергетике...
(из сборника анекдотов)*

Глава 1.

Библиотека им. Ленина. В читальном зале сидят доктора наук, профессора и пишут диссертации. В зал заходит длинноногая блондинка, подходит к библиотекарю и говорит:

– Мне, пожалуйста, два гамбургера, картошку и колу!

Библиотекарь шепотом:

– Девушка!!! Это библиотека!

Девушка шепотом:

– Ой, простите, два гамбургера, картошку и колу...

(Из сборника анекдотов)

Майкл Райд славился в возглавляемом им отделе компьютерных коммуникаций, да и, пожалуй, во всем Центральном Разведывательном Управлении человеком гибкого мышления, для которого не существует словосочетания «не может быть». Но по заднице и стул, как говорили в родном городке Майкла, который затерялся между Хьюстоном и Чикаго. Другой бы человек на посту заведующего отделом компьютерных коммуникаций долго не удержался. Если сотрудник лишен творческой фантазии, ему не только не место в кресле Майкла Райда, но и вообще делать нечего в его отделе. Именно поэтому в подчинении у Майкла находилось двадцать совершенно отвязных хакеров, большинство из которых вообще предпочитало не вставать из-за компьютера, умудряясь справлять малую нужду в бутылку из-под Пепси Колы. И судя по запаху, с давних времен прижившемуся в отделе, большую нужду они тоже справляли где-то поблизости. О мытье и смене одежды речи не шло. Единственными, кто уходил домой спать, и вообще как-то жил вне стен управления, были сам Майкл и его секретарша Пепин. Как ни странно, его подчиненным работенки хватало с лихвой, и если бы не их энтузиазм, то в отдел пришлось бы нанимать еще столько же хакеров. Ну, а как быть, если рейтинг компьютерной сети ЦРУ по популярности среди взломщиков опередил даже сеть Национального банка США. Ежесекундно в охраняемое майкловыми хакерами компьютерное пространство ЦРУ ломались сотни настойчивых незваных посетителей. Они с легкостью взламывали самые навороченные коды и пароли, они лезли со всех сторон как саранча, но отдел Майкла Райда стоял стеной на пути непрошенных гостей. Именно в этом и заключалась роль сотрудников отдела компьютерных коммуникаций. Ну, и еще кое в чем. Вот именно об этой небольшой побочной для отдела работенке сейчас и шла речь. Как назло, дело застало Майкла в самый неподходящий момент и в самой неподходящей позе: он только что вознамерился пустить мяч в ворота. Майкл так и стоял, согнувшись, с клюшкой для мини-гольфа в вытянутых руках.

– Майкл, Давид говорит, это срочно! – второй раз пропел в селекторе волшебный голос секретарши Пепин.

– Срочно! – Майкл вздохнул и выпрямился, – Но, если только он меня надул, и речь опять пойдет об особенной технологии вытягивания макарон, которую фермеры из штата Оклохома

под большим секретом сообщил пришелец с Альфа Центавра, я этому Давиду сделаю второе обрезание. И я не буду таким деликатным как его раввин.

– Орион, – не обращая внимания на возмущение начальства, поправила Пепин, – Пришелец был с Ориона. За свой секрет он потребовал от фермера пять кусков говяжьей вырезки.

– Какая разница, – Майкл вздохнул и, закинув клюшку на плечо, отправился вон из кабинета.

Открыв дверь в общий зал, он по привычке задержал дыхание. Глаза тут же защищало, он зажмурился и помотал головой. А когда снова открыл их, то увидел насмешливую улыбку Пепин. Майкл уже перестал удивляться, как этой грудастой и жизнерадостной красотке удалось прижиться в столь несовместимом с человеческим существованием помещении с явно выраженными запахами мужской мочи, грязных носков, невымытых тел, гамбургеров и одеколона «Тигр 2005», которым хакеры обильно поливали все вокруг, чтобы отбить остальные запахи. Сладковатый, дешевый аромат «Тигра 2005» не отбивал остальные запахи, а по какой-то неясной причине смешивал их и усиливал, как хороший катализатор, ускоряющий химическую реакцию. Однако Пепин, явившаяся однажды в эту хакерскую пещеру, совершенно не собиралась ее покидать. Она сидела здесь все отведенное ей рабочее время и даже к концу дня выглядела свежо и привлекательно. Впрочем, хакерам, иногда тоже нуждающимся в женщинах, на Пепин было плевать – им хватало секса по Интернету. А вот что удерживало его секретаршу на этой для любой нормальной девушки совершенно непривлекательной службе, Майкл понять не мог.

Пепин подала ему платок, от которого исходил тонкий аромат ее легких духов, и снова усмехнулась:

– Прикрой нос, а то свалишься в обморок по пути. Твои лохматые приставки к компьютерам даже с места не сдвинутся. И выносить тебя придется мне. А я девушка хрупкая, так что лучше прижми платок к носу, и пойдем.

Майкл последовал ее совету и тут же одарил ее взглядом, исполненным бархатной благодарности: аромат ее духов не только оградил его от неприятных запахов, он удивительным образом придал энергии всему его организму. Майкл с жадностью вдыхал его, уже заранее сожалея, что рано или поздно ему придется вернуть платок его законной владелице. С клюшкой на плече и платком у носа он прошествовал через весь отдел и навис над юнцом, который скрючился у компьютера в пыльном углу помещения.

– Если ты опять затынешь вольнку о пришельцах, я двину тебя этой клюшкой, – сразу предупредил его Майкл, сочтя нужным помахать своим оружием перед длинным носом хакера, но тут же стал добрым начальником, лишенными каких-либо предрассудков относительно того, будто бы в мире чего-то быть не может, – Давай, Давид, выкладывай. Чего ты нарыл?

– Да вот, – равнодушно просипел юнец, которому было от силы лет шестнадцать.

Майкл подумал, что, если бы в ООН узнали в каком режиме и в каких условиях подработки США работают на ЦРУ, они бы выперли Штаты куда подальше из цивилизованного мира.

– Что «вот»? – он склонился к монитору и через минуту даже присвистнул, – Ну и дела! Ты проследил откуда сообщение?

Давид впервые оторвался от монитора и обернулся к начальнику:

– Шеф, а вы предполагаете, что это могло прийти не из России?

Майкл вздохнул и признался:

– Нет. Такое предложение, разумеется, могло прийти только из России.

– И я думаю, оно вполне реальное, – Давид смутился и поправился, – Я хотел сказать, это не шутка.

– Еще бы! – кивнул Майкл.

На его памяти практически все предложения, поступившие от россиян, не были шутками. Даже то, в котором предлагалось купить ядерный чемодан Президента.

– Удивительная страна! – в сердцах воскликнул заведующий отделом и оперся всем телом на клюшку для мини-гольфа, – Люди бедные, но такие башковитые! И ведь особенно убивает то, что башковитыми они становятся именно от бедности. Ни в какой другой стране мира с разваливающейся экономикой, тебе не предложат купить опытный образец ковра-самолета, работающего на антигравитационном двигателе или лазерной пушки со спутниковым наведением. Будут с голодудохнуть, а не предложат! Ведь в Уругвае или Панаме живут куда хуже, чем в России... А ничего такого пока не придумали. Да и вряд ли придумают.

– Все дело в их образовании, – заметила Пепин, которая до этого беззвучно стояла у него за спиной, – В России каждый второй – инженер. И инженеры эти там ничего не стоят. Вот они и пытаются на Западе заработать. Вы знаете, что у русских книги в квартирах стоят. Квартирки как кроличьи клетки, и все заставлены книгами. Даже те, которые уже прочли много лет назад. Зачем они их хранят? Перечитывают, что ли... – она вздохнула и добавила не без грусти, – Кошмарная нация.

– Это точно. Самая кошмарная после китайцев, – согласился Майкл, который в своем огромном доме хранил лишь три журнала «Плей бой», да и те в баке для грязного белья, чтобы не смущать приходящую домработницу.

– А с этим что делать? – Давид кивнул на монитор, на котором застыла красно-белое объявление от пока неизвестного продавца, размещенное на одном из самых труднодоступных сайтов по продаже оружия и прочего барахла, которое так угрожает демократии Соединенных Штатов. Давиду не была интересна дискуссия начальника и его секретарши. Ему хотелось снова погрузиться с головой в компьютерный мир, откуда его заставил вынырнуть разговор с шефом.

– Установи личность продавца, если сможешь. Или хотя бы компьютер, с которого послали сообщение. Потом я напишу отчет и перешлю его в отдел... – тут Макл задумался о причине, по которой он решил сообщить Давиду и Пепин о своих дальнейших действиях и быстро пришел к выводу, что это духи на платке. Они замутили его рассудок. Ни сотруднику отдела, ни секретарше не полагалось знать, что будет с информацией, которую они только что раскопали.

«Наверное, старею...» – подумал начальник отдела компьютерных коммуникаций и снова с наслаждением вдохнул пьянящий аромат духов Пепин.

***

Игорь Сергеевич Иосифов – заведующий лабораторией вирусологии отнял руки от посеревшего лица и спросил Ветлеева:

– Ты уверен?

– Игорь! Да мы с Ленкой все перерыли. Мы весь этаж языком вылизали.

– Ну, этаж вылизывать смысла не было. Кому придет в голову переносить пробирку из одной лаборатории в другую. Да еще такую пробирку. Если уж в руки брать, то с целью, – тихо пробормотал завлаб, – А ящик для транспортировки на месте?

– На месте, мать его, – Ватлеев сунул руки в карманы. Уж слишком тряслись. Как при лихорадке. И лоб вспотел. Может и правда лихорадка на нервной почве. А может вирус уже гуляет по институту...

– Я пытаюсь сообразить... – Игорь Сергеевич закрыл глаза и забормотал еле различимо, – Если вирус не в холодильнике и не в ящике для транспортировки, значит, его при выносе нагрели. Значит, он активирован, и, если нечаянно открыть или разбить пробирку вирус вылетит на свободу.

– И первым заразит ту сволочь, у которой хватило наглости его вынести! – злорадно процедил Ватлеев, – Я ему не завидую. Страшная будет у него смерть. Не проживет и суток.

Тут он озабоченно потрогал лоб и уставился на завлаба:

– Игорь, а ты как себя чувствуешь?

Тот вздохнул и поднял на него мутные от горя глаза:

– Ватлеев, ты спятил? У меня украли вирус, стоимость которого равна стоимости этого института со всеми его сотрудниками, если их продать в рабство по самой высокой цене. Какой-то мудила вытащил этот вирус из холодильника и понес в лето! И еще я думаю, что будет, если он откроет или разобьет пробирку? Успеем ли мы создать антивирус, который до сих пор у нас создать не получилось. Ведь если сегодня вирус вырвется на свободу у нас, в Москве, то, по приблизительным расчетам, в следующую среду люди начнут умирать уже в Новосибирске. И ты меня спрашиваешь, как я себя чувствую?

– Ну, ты не кипятись, – Ватлеев смутился, – Я не в том смысле. Ты себя здоровым чувствуешь?

– А ты? – завлаб резко поднял голову и внимательно посмотрел на своего соратника по производству всякой биологической гадости, – Ты чувствуешь, что...

Он не решился закончить вопрос.

– Да, подожди ты! – окончательно смутился Ватлеев, – Ничего я такого пока не чувствую. Так, озноб, пот вон... – он неловко хохотнул и зачем-то ткнул себя пальцем в лоб.

– Если начнут кровоточить десна, на работу не приходи, – на всякий случай напомнил завлаб, – И вообще, лучше сразу сигай из окна. Ты на каком этаже живешь?

– На третьем.

– Тогда даже не знаю, что тебе посоветовать...

– Ты думаешь, смерть от этого вируса... – у Ватлеева предательски дрогнул голос, а во рту он тут же почувствовал привкус железа.

– Сначала лихорадка, потом кровоточат десны, начинают выпадать зубы, идет разрушение всех тканей. К концу второго дня от человека остается окровавленный скелет и лужа крови на полу. Зрелище не для слаонервных.

– Знаешь, мне, пожалуй, уже лучше... – перспектива такого конца настолько не вдохновила мнительного Ватлеева, что он действительно неожиданно почувствовал себя абсолютно здоровым, – В милицию звонить?

– Ага, в районное отделение! – усмехнулся Иосифов, – Я уж сам как-нибудь, по старым связям. Боюсь, одной милицией тут не обойдется.

***

– Ты соображаешь, что сейчас начнется?! И это за неделю до совета акционеров. Ни месяц назад, ни спустя месяц, а именно сегодня тебе вздумалось припереться с этим ко мне в кабинет! Да меня же распнут! Вот как пить дать распнут. Ванька чего-то подобного уже полгода дожидается, – Тимофей посмотрел на Рубцова глазами голодного бассета и горестно, протяжно вздохнул. Потом он встал из-за огромного стеклянного стола, выполненного в стиле хай-тэк и занимающего добрую половину кабинета, мельком взглянул на нечто невразумительное, висящее в рамке на стене и изображающее полотно какого-то очень модного художника из «непоятых массамаи», так же мимолетно поморщился и глянул на Рубцова еще раз, с надеждой, – А ты уверен?

В голосе его сочилась жалость к самому себе.

Тимофею Петровичу Тарасову было 33 года от роду. Он уже полгода занимал пост президента компании «Ювертрест» и вот уже полгода страшился только одного, что с должности этой его снимут. Раньше он слыл неисправимым повесой и ловеласом, завсегдаем модных московских, питерских и даже лондонских вечеринок, раз в три месяца устраивал себе рим-

ские каникулы, раз в два месяца собирался жениться и столько же раз в месяц передумывал, а теперь вот изменился и на дружеский взгляд Рубцова не в лучшую сторону. Теперь он напоминал ему стареющего лиса, забившегося в нору и трясущегося от страха в ожидании открытия осеннего охотничьего сезона. Впрочем, охоту на него уже давно открыли. Если быть точным, в тот самый день и в тот самый час, когда его отец – Петр Тимофеевич Тарасов передал ему полномочия президента компании.

Младший сын – Иван Петрович, разумеется, счел это оскорблением, а потому, восстав против несправедливого родителя, поклялся во что бы то ни стало дискредитировать Тимофея в глазах акционеров. В чем-то его желание можно было назвать вполне законным. Сажать старшего сына в кресло президента компании со стороны отца действительно было свинством. Иван горбатился на мясокомбинате, чем, собственно, и являлась компания «Ювертрест», от зари до зари. Он окончил экономический факультет Московского пищевого института и знал о деле все, в то время как Тимофей – выпускник факультета журналистики МГУ имел о производстве мясопродуктов лишь смутные представления. Иван вечно метался в поисках заказчиков, партнеров и поставщиков. Он въезжал в технологию производства колбасы и сарделек, он дружил с главным технологом – отвратительным рыжим немцем херром Шульцем, который заставлял его пить пиво и закусывать немецкими белыми сосисками, которые Ванька ненавидел чуть меньше, чем самого этого херра. И все ради чего? Ради того, чтобы в момент великой истины, когда отец, устало вздохнув, словно скидывая с плеч все годы тяжелого труда, объявил на собрании акционеров, что решил уйти на покой, его – Ваньку, подвинули и поставили на пост президента старшего братца, единственным достижением которого в этой жизни было то, что он родился на два года раньше. Однако этого оказалось вполне достаточным, чтобы собрать все сливки, предоставив младшему брату злиться и ждать роковой ошибки, после которой совет акционеров снимет Тимофея с поста президента, передав кресло его законному владельцу. Справедливость восторжествует.

«Не может не восторжествовать», – думал Ванька. И, по всей видимости, оказался прав.

Случилось то, что он сочтет, непременным результатом руководства такого нерадивого хозяина как Тимофей. Рубцов усмехнулся, глядя как старший из братьев копается всей пятерней в густой светлой шевелюре.

– Ты от волнения сейчас все волосы повыдираешь, – весело сообщил он.

– А чего ты так радуешься? – пробурчал Тимофей, – Как и все, ждешь не дождешься, чтобы мое место занял достойнейший из достойных рода Тарасовых: Иван Петрович?

– Да, ладно тебе, – Рубцов вдруг резко устал от нервотрепки, связанной с предстоящим собранием акционеров и так же резко сел на первый попавшийся стул. Стул попался как-то однобоко, поэтому он едва не упал, пришлось схватиться за стол, – Если эти бумаги не включать в отчет, то никто о них и не узнает, – проскрипел он от натуги, пытаясь усесться более стабильно, – Бумажки принес мне херр Шульц. Это его расчеты.

– Ну, конечно! – фыркнул Тимофей, – Этот немецкий херр лучший друг нашего Ваньки. Уж кому-кому, а ему он эти бумажки в первую очередь показал. Я уверен, что Ванька собрание с этих позорных расчетов и начнет. Да он наверняка уже такую разгромную речь на их основе заготовил, что я и пяти минут после его выступления в этом кресле не задержусь.

Рубцов поковырял в ухе, потом поразмыслил и ткнул палец в нос, потом зачем-то вытащил платок, задумчиво посмотрел на него и снова засунул в карман. Имел он такую привычку, делать всяческие странные вещи, когда думал. После манипуляций с платком он изрек:

– Видишь ли... Шульц в первую очередь немец, во вторую – карьерист, а уж только потом Ванькин друг. Так что, будем надеяться, что Ванька о расчетах ничего не знает.

Тимофей медленно повернул к нему голову, вытащил пятерню из шевелюры и выдохнул:

– Не понял?

Рубцов усмехнулся:

– Как бумаги попали ко мне – начальнику службы безопасности? Ведь я даже не акционер. А все потому, что херр Шульц в первую очередь немец. И как истинный ариец, обнаружив нечто неправильное, имеющее преступный вид он бежит не к другу, а в полицию. В данном случае ко мне. А теперь подумай, как вырастет в глазах акционеров его авторитет, если он сам представит расчеты, а не сдаст этот лакомый кусочек Ваньке. Ведь Ванька с их помощью сместит тебя. А какая Шульцу от этого польза? Да никакой. Ему без разницы при ком колбасу стряпать. Так что, мне кажется, Ванька пока ничего не знает.

– И что из того. Если он узнает обо всем на собрании акционеров, он все равно моментально обернет информацию против меня. Так что мне один хрен: знает он уже или пока не знает.

Рубцов опять сунул руку в карман. На сей раз выудил из него фантик от конфеты, потербил в руках и снова сунул в карман. Согласно расчетам херра Шульца за последние полгода в колбасном цехе происходили странные вещи. Получалось, что при производстве сырокопченой колбасы «Гусарская» из 1-го килограмма говядины выходило два килограмма изделия, что, конечно, было абсолютным нонсенсом. Это даже Тимофею с его журналистским образованием было понятно. Из одного килограмма говядины такой гавенной колбасы как Гусарская должно выходить не менее 3-х килограмм, потому что кроме говядины в нее напихано столько разных наполнителей, что подумать тошно. Но из расчетов херра Шульца по расходам говядины на линию производящую эту чертову Гусарскую колбасу выходило именно так. Из этого следовало два вывода: во-первых, кто-то здорово крал мясо в цехе, а, во-вторых, херр Шульц обратил свой орлиный взор только на одну линию. А если он просчитает расход мяса и выход изделия на всех линиях, которых в цехе около 30-и, а еще есть и другие цеха: мясных полуфабрикатов, мясных деликатесов,пельменный... И если везде расход мяса такой же, то предприятие и акционеры потеряли не просто много денег, они потеряли большую часть своих доходов за полгода. Вот как! Было от чего прийти в отчаяние президенту. И нужно было немедленно спасать ситуацию. Рубцов снова выудил фантик из кармана и зачем-то сунул его в рот. Фантик имел отвратительный вкус типографской краски и Рубцовского кармана.

Он подумал, что если рассматривать историю с президентским креслом, то ему куда выгоднее, чтобы у руля оставался Тимофей. Они ведь с Тимофеем закадычные друзья с детства. Вместе в школу ходили, за одной партией сидели, вместе девчонок клеили, вместе на журфак поступали. Только Тимоха поступил на платный, а у Рубцовой матери лишних денег не было, поэтому Рубцов загремел в армию. А потом вернулся, пошел в школу милиции, из нее в районное отделение, ну, а оттуда уже попал к Тимофеевскому отцу на завод. Тогда это маленький мясной цех был – пельмени делали чуть ли не кустарным способом. Рубцов этот цех охранял. И по возможности отгонял от него всякий криминальный элемент, набивающийся в «крыши». Ездил Рубцов на стрелки, раскидывал пальцы веером, убеждал на понятном криминальному элементу языке, кто в доме хозяин. Когда не получалось, подключал приятелей из районного отделения милиции. Тем тоже не сладко тогда жилось, и за малые деньги они с удовольствием спасали несчастный пельменный цех Тарасовых от всякой бандитской шелупони. Потом предприятие разрослось. Тарасов прикупил умирающий мясоперерабатывающий завод, как раз из тех, где оборудование от старости сыпалось в фарш вместе с проживающими в этом оборудовании мелкими грызунами. Петр Тимофеевич Тарасов был хорошим бизнесменом, прекрасно чувствовал рынок, умел договориться и с поставщиками, и с магазинами, имел нужные связи, а потому процветал. И Рубцову при нем жилось хорошо, поскольку Петр Тимофеевич его знал и любил. Не только как верного солдата, но и как друга детства своего любимого сына. А вот Ванька Рубцова терпеть не мог, как и все, что связано с его ненавистным старшим братом. Так что, если Ванька придет к власти Рубцову придется не сладко. Это сейчас он шеф службы безопасности, и под его началом двадцать широкоплечих молодцов. А что будет, если херр Шульц огласит свои печальные расчеты на совете акционеров?

«Чертов немчура! – он с силой выплюнул фантик от конфеты, – С какого перепугу он вообще решил чего-то подсчитывать. Кому из русских придет в голову корпеть над расчетами, если ему этого никто не поручал?»

– Придется поговорить с Марго, – гробовым голосом изрек Рубцов.

Тимофей, к тому моменту уже впавший в тихое отчаяние и поглядывающий в окно со странным, одухотворенным лицом, словно уже надумал сигануть вниз с высоты третьего этажа, на котором располагался его кабинет, вздрогнул и уставился на шефа службы безопасности:

– За каким лядом?

– А ты не знаешь? – в свою очередь удивился Рубцов и решил его больше не мучить, – Немецкий херр страстно в нее влюблен.

– Нашел время шутить! – обиделся Тимофей, и сделал шаг к окну, из которого действительно надумал сигануть. Почему-то ему показалось, что переломанная нога в его случае – вполне удачный выход из положения. А что? Вот сломает он сейчас ногу, конечно, приедет скорая, с пафосом, с желтой машиной реанимации, увезет его в больницу. Мать с отцом, не обращая внимания на Ванькины вопли о грядущем собрании, помчатся следом, Марго будет радоваться как дитя, потому что она имеет обыкновение всему радоваться как дитя. Ведь жить ей скучно, а тут хоть какое-то развлечение. Он проваляется в больнице больше, чем неделю. О собрании как-то само собой забудется. А потом... потом разберемся... Стоп! Тимофей оторвался от липы, произрастающей во внутреннем двореке и поэтому хорошо видимой из окна кабинета президента, и уставился на Рубцова. Тот имел весьма серьезное лицо, что говорило о том, что он не шутил про Марго, – Что ты имеешь в виду?

Рубцов самодовольно усмехнулся. Не всем и не каждую минуту предоставляется возможность обескуражить кого-то новостью, которая и новостью-то уже давно ни для кого не является. Так, принятый к сведению факт. Разве что сама Марго ни о чем не догадывается, и вот оказывается его друг тоже.

– Хер Шульца... пардон, весь Херр Шульц целиком страстно влюблен в Марго.

– Подожди! – Тимофей с размаху плюхнулся на близстоящий стул. Размах оказался сильнее, чем расчет, а потому, проехавшись пятой точкой по краю стула, Тимофей со всей дури уселся прямо на пол.

– Ну, ты даешь! – изумился Рубцов, – Нельзя же принимать так близко к сердцу!

– Да, подожди ты! – надсадно проскрипел Тимофей, выкарабкиваясь из-под стола, – Шульц, конечно, законченный немец, рыжий херр и все такое прочее, но в уме-то ему отказать никак нельзя. Вон какую недосдачу вычислил. Можно сказать ни с того, ни с сего, чтоб ему пусто было.

– Тимочка, а при чем тут ум? – осторожно осведомился Рубцов и так проникновенно посмотрел на директора предприятия, что обоим стало понятно, ум тут абсолютно ни при чем.

– Действительно, – уж слишком поспешно согласился Тимофей, – Если втюрился по самое не могу, то при чем тут ум... Кстати, а как там с этим его «не могу»? – он вдруг покраснел, а Рубцов вдруг растерялся.

– Честно признаюсь, – после долгого замешательства хрипло изрек он, – Это первый вопрос за много лет службы на комбинате, который поставил меня в тупик. Я «от и до» проверяю людей, которые устраиваются к нам на работу, но в штаны я им не заглядываю. А может надо бы, а?

– А чего ты на меня так смотришь! – возмутился директор предприятия.

– Ну... ты же у нас начальник. Может быть выставить этот вопрос на совет акционеров?

– Да ну тебя! – отмахнулся Тимофей, – Я же не длину и ширину узнать хочу. Как там у них с Марго? Я имею в виду, взаимно?

На этот раз возмутился Рубцов:

– Ты что, Марго не знаешь?

Словно в ответ на этот, в общем-то, риторический вопрос в приемной послышался шум голосов. Голосила в основном секретарша Тамара, которая громко объявляла, что начальник занят и к нему нельзя. Ей так же громко объясняли, что занятость начальства тут никого не колышет, что начальство должно бросить все свои дела и встречать дорогую гостью. Тут двери распахнулись, и на пороге появилась та, о которой только что говорили.

– Ну, вот... – грубовым голосом изрек Рубцов, – помяни...

– Мальчики! – радостно воскликнула Марго, – Как же я рада вас видеть!

Комната тут же наполнилась шумом, терпким ароматов дорогих духов, криками секретарши, восклицаниями, громкими чмоками, и как следует, всеобщими непонятными оживлением и подъемом, которые всегда сопровождали появление Марго.

Она снова похорошела и загорела. Она всегда появлялась удивительно свежей и загорелой, словно только что вернулась с какого-то далекого курорта. В большинстве случаев так оно и было. На этот раз она поразила Рубцова и Тимофея новой короткой стрижкой, благодаря которой ее золотистые волосы романтично топорщились словно от порыва ветра. Марго была самой что ни на есть настоящей блондинкой со всеми вытекающими отсюда последствиями: ветреной, несерьезной, непостоянной, чертовски сексуальной, потрясающей, длинноногой... одним словом, смерть мужчинам на любом расстоянии. Кроме всего прочего, она обладала низким грудным голосом, способным привести в трепет тех, которые сразу не упали, сраженными ее внешними прелестями. Ну, а для самых стойких, которых не сломили, ни броская красота, ни чувственный голос, природа заготовила последнее смертельное оружие – дело в том, что Марго была хронически глупа. С годами, а ей уже перевалило за тридцать, врожденная глупость и леность ума стала частичкой ее шарма. Ее, можно сказать, изюминкой.

Иногда окружающим казалось, что она специально ничего не хочет знать, чтобы, ни дай бог, не лишиться этой своей изюминки и не превратиться в обыкновенную образованную, а потому ужасно скучную женщину. К Марго все относились слегка покровительственно, и снисходительно прощали все ее странности.

«Ну, что с нее взять, – говорили все себе и друг другу, – Марго есть Марго!»

– Мальчики, вы не поверите, где я была! – выдохнула Марго и, усевшись в кресло Тимофея, водрузила длинные ножки в изящных туфельках с высоченными каблуками прямо на распечатку Шульцовских расчетов на столе директора комбината.

– Ап... – начал было Тимофей, – но Рубцов махнул рукой, мол, это же Марго, забыл?

Марго прервала начатый было монолог, удивленно посмотрела на Тимофея, потом перевела взгляд на растерянную секретаршу, которая в порыве защитить начальство от незапланированных посещений влетела в кабинет, а теперь не знала, куда себя пристроить.

– А... – протянула гостя, – Мне зеленый чай. А вам, мальчики?

Удивительное дело, но Марго всегда и везде вела себя так, как будто была хозяйкой данного помещения. Никому бы и голову не пришло, что космическая станция или Овальный кабинет президента США не является ее собственностью, если бы она попала туда хотя бы на минутку. В этом случае остается лишь облегченно вздохнуть и за космонавтов, и за президента США. Да, и еще посоветовать, ни при каких обстоятельствах не приглашать Марго в гости. Это печальный удел лишь тех, кто неразрывно связан с ней по родству, по дружбе или иными какими-то узами. Вот как Рубцов, например, по работе.

Мальчики переглянулись.

– Я никак не могу понять, откуда эти мерзкие твякающие звуки, – несколько раздраженно пробормотал Тимофей и с вызовом взглянул на секретаршу Тамару.

Та понятия не имела, откуда доносились раздражающие звуки, но на всякий случай перед тем, как пожать плечами скорчила плаксивую физиономию.

– Ах, я же вас не познакомила! – радостно воскликнула Марго, – Вот, мой Мао! Ну ка Мао, скажи дядям здарсьте!

Она вытянула руки над головой, и едва Тимофей с Рубцовым успели узреть у нее в ладонях маленькое пучеглазое существо, Марго слетела с кресла и принялась тыкать его мордой в лица присутствующих. Причем отвертеться было невозможно.

– Твоя тварь меня укусила! – взвыл Тимофей и, схватившись за нос, отскочил от гостыни на добрый метр.

– Какой нехороший дядя! – пропела Марго, нежно прижимая пучеглазое создание к пышной груди, обернутой чем-то ярким и летящим, – Дядя не хочет дать нам лапку!

– Не хочу! – заупрямился Тимофей и попятился к дверям, в надежде немужественно спрятаться за секретаршу.

Существо при ближайшем рассмотрении оказалось вовсе не пришельцем с далекой и ужасной планеты, как решил Рубцов в первую секунду, а маленькой противной собачонкой. Из тех, которые компенсируют недостаток роста повышенной вредностью и злобностью, и которые по непонятной причине вдруг наводнили Москву. Поговаривали, что моду на маленьких собак придумали враги, как очередной виток биологической войны. Что, по мнению Рубцова, походило на правду. Он не понимал, зачем человеку понадобилось уродовать природу, превращая благородных, сильных и красивых собак в эдакое недоразумение. И разве можно называть собакой, то, что дамы в мехах теперь носят в лучшем случае на ручках, а в экстремальном, запихивают в бюстгальтер. Собака нужна чтобы защищать, караулить, охотиться или помогать. А вот эта пучеглазая дрянь зачем создана?

– Я сделаю зеленый чай и два кофе, – пискнула секретарша и, ретировавшись в приемную, захлопнула за собой дверь, лишив Тимофея последнего бастиона.

– Где ты раздобыла это чудо? – процедил Рубцов, не скрывая свое негативное отношение к вертявому комочку слюней в руках Марго.

– Очень сейчас ты не красиво сказал! – назидательно проговорила она и, внезапно успокоившись, снова села в кресло Тимофея, – Ой, мальчишки, это такая забавная история! Три недели назад я решила слетать в Европу. Немного развеяться, то да се... И потом в начале мая в Москве такая скука... В общем, я купила билет до Пекина.

– Эка куда тебя занесло! – присвистнул Тимофей. Видя, что опасность миновала, и Марго, вроде бы, больше не собирается пихать ему в лицо кусачую собачку, он потер травмированный нос и осторожно присел на краешек стула за большим столом для переговоров, – Пекин от Европы за многие тысячи километров.

– Ну, откуда мне было знать! – возмутилась Марго, – «Пекин» звучит так по-европейски. Послушайте: Париж, Лондон, Пекин... Ну? Вы бы что подумали? Разве вы подумали бы, что Пекин – это где-то на краю земли.

– Вообще-то в Китае, – уточнил Рубцов.

– И что с того, – хмыкнула Марго, – хотя я больше склоняюсь к тому, что была в Корее. Вот только еще не решила в Южной или Северной.

– Если ты была в Пекине, то ни о какой Корее и речи быть не может, – решительно заявил Рубцов.

– Там нигде не написано, что Пекин. А если и написано, то их закорючками, которые нормальному человеку даже в голову не придет расшифровывать! – возмутилась она и потрянула торчащими во все стороны вихрами, – Я выхожу, кругом теремки... А дома как в Москве на этом гадком проспекте с гадким названием... на Ленинском проспекте. Ужас! И красные флаги кругом. Сначала мне показалось, что я каким-то непостижимым образом перенеслась в свое пионерское детство. Вы не представляете, но у них на одном из домов плакат с Лениным! И кругом одни узкоглазые жители! Ходят эдакие косые пионеры, и Ленин у них тоже какой-то местный, слишком прищуренный. В общем, кошмар. Я стала вспоминать, где это в Европе есть такая страна...

– Не вспомнила? – участливо осведомился Тимофей.

– Не-а, – беззаботно ответила Марго, – Сначала я пришла к выводу, что я в Албании. Нам географичка в школе говорила, что про Албанию ничего сказать нельзя, потому что это очень закрытая страна, хоть и движется курсом на социализм. Но как они там движутся, для всех секрет. Вот я и подумала, наверное, я в Албании. Ну, это все такая ерунда. Я ведь потом познакомилась с двумя монахами какого-то высокогорного монастыря: ни то Чау Джу ни то Джу Чао или еще как-то... – она задумалась, а потом отмахнулась, – Они оба дали обет безбрачия, дурачки! И кто только такую глупость придумал, как этот обет безбрачия?! Вот скажите на милость, Богу не плевать, занимаются какие-то там китайцы из монастыря сексом или нет? У Бога что других забот нет, как следить за двумя идиотами в рыжих робах? Но мы с ними очень интересно общались. Они даже плакали...

– Вот в последнем я не сомневаюсь, – вздохнул Рубцов, – От тебя кто угодно зарыдает.

– Ай, – скривилась Марго, – Какой ты все-таки вредный человек! – Потом она улыбнулась ему так, что захотелось потереться щекой о ее ногу, – Но я все равно по тебе страшно соскучилась. Ведь я же тебя люблю!

Вот в этом была вся Марго. На нее невозможно сердиться, ее можно только любить и прощать все ее выходки, незнание элементарных вещей, о которых просто стыдно не знать, и каждый раз приходиться к выводу, что в женской глупости есть что-то обезоруживающее любого мужика.

Рубцов усмехнулся своим мыслям. Сейчас, он понимал несчастного херра Шульца, который без оглядки влюбился в Марго. Она красива, она индивидуальна – этого точно у нее не отнимешь, она стильна, и он плохо говорит по-русски, а потому зачастую просто не понимает, какую чушь она несет. Рубцов еще раз усмехнулся, и глянул на Марго исподлобья: пожалуй, если бы она вдруг онемела и выкинула куда-нибудь свою собачонку... он бы тоже воспылал страстью.

– Что ты на меня так смотришь? – Марго удивленно вскинула брови, потом вдруг надула губки и повернулась к Тимофею, – Нет, ну что он на меня так смотрит, грубиян?!

– Рубцов, прекрати пялиться на Марго, – хохотнул Тимофей.

– Невоспитанный тип, – Марго приняла независимый вид, как школьница, которая застучала одноклассника за созерцанием своей персоны на уроке литературы, и с деланной нежностью затискала собачку, – Ты моя прелесть! Ну, разве не прелесть! Как вам мой Мао?!

– У каждого человека должен быть свой Мао, – мрачно изрек Рубцов, которому тут же расхотелось пылать страстью к Марго.

– Я воздержусь от комментариев, – проворчал Тимофей и озабоченно потрогал укушенный нос. Нос подозрительно увеличивался в размерах, – Если так и дальше пойдет, нужно будет ехать в больницу. Ты делала своему волкодаву прививку от бешенства?

– А нужно было? – озадачилась хозяйка.

– О, Боги! – взвыл укушенный, – Теперь мне придется делать сорок уколов в живот.

– Ну, от этого еще никто не умирал, – снисходительно заверила его Марго, – И потом, подумаешь уколы. Ты ведь здоровый мужчина, а ноешь, как ребенок.

Тимофей открыл было рот, чтобы высказать свое отношение к подобному равнодушию, к самому укусу и к ушастой твари, которая его совершила, но не успел, потому что после недолгой возни в приемной и вскриков секретарши, дверь кабинета распахнулась и на пороге предстал младший сын Тарасовых Иван.

– Да к тебе уже не пускают! – рявкнул он с порога и захлопнул дверь с такой силой, что несчастная Тамара навсегда уяснила, с ним лучше не спорить.

– Здравствуй Ваня! Я тоже рад тебя видеть, – со спокойным радушием приветствовал его брат и, встав, протянул руку для пожатия.

Ваня прошел мимо, сделал вид, что не заметил этой руки. Тимофей растерянно потряс ею в воздухе и «сделав глаза» Рубцову снова опустился за стол для переговоров.

– О, у нас новый президент компании! – он нервно улыбнулся Марго, которая все еще сидела в кресле Тимофея, – Хотя я не удивлен. Вы пара сапог, и одинаково соответствуете этому креслу.

– Поосторожнее в выражениях, – сухо проговорил Тимофей, – Ты пока в моем кабинете.

– Ты правильно сказал «пока»! – парировал Иван.

– Ванька, ну что ты так нервничаешь! Ты же себе печень посадишь! – жалостливо проворковала Марго, – От тебя и так одна желчь осталась.

Иван метнул на нее взгляд полный ненависти, и едва сдержался в рамках приличий, чтобы не заорать «Заткнись, дура!». Это «Заткнись, дура!» теперь явственно читалось на его недовольной физиономии. Он плюхнулся за длинный стол напротив Тимофея и мрачно оглядел собравшихся:

– Как с отчетом для акционеров?

– А я думал ты просто так заскочил, по дороге, – спокойно парировал президент компании. Ему стыдно было признаться в том, что издеваться над братом ему в удовольствие. Уж слишком очевидны были его обиды, слишком легко было его подколоть и вызвать в нем самые низменные чувства. Иван с детства рос открытым, ретивым и нервным выскочкой, так что спокойный, миролюбивый Тимофей зачастую играл с ним, как усталый генетик с мушкой дрозофилой. Ванька для Тимофея всегда был предсказуем.

– Я где-то читала, что у мужчин твоего роста часто бывает комплекс Наполеона. Там что-то говорилось о мужской потенции и какой-то странной связи с машинами, – задумчиво изрекла Марго, почесывая Мао за ухом, – Как будто у тех мужчин, которые в постели совсем так себе, какое-то необыкновенное стремление быть лидером на работе. И еще у них страсть к большим машинам. Вань, а у тебя какая машина?

– Заткнись! – все-таки рявкнул владелец огромного Лэндкраузера.

– Я вот только не поняла, почему такой отвратительный мужской комплекс назвали в честь вполне съедобного пирожного? Или, наоборот, пирожное уже потом назвали в честь комплекса? Но тогда откуда это странное название... – невозмутимо продолжила Марго, даже не заметив, что красный как рак Иван уже сжал кулаки.

– Я не понимаю, – взревел он и, вскочив со стула, заходил по кабинету, – Что тут делает Марго?

– Марго один из наших акционеров. Или ты забыл? – вскинул брови Тимофей.

– Я бы таких акционеров... я бы таких акционеров... Все знают, как она стала акционером. Если бы я был президентом, она давно бы уже лишилась своих жалких акций. Кормим всяких тунеядцев! – Ванька задохнулся в собственной злости и, остановившись посреди кабинета, обвел всех шальными глазами.

– Выйди, тебе Тамара водички нальет! – вежливо предложил президент компании.

– Ах, ты меня из кабинета гнать?! – взвыл брат, – Меня?! Из кабинета, который должен был достаться мне по праву!

– Вань, ну зачем тебе еще и этот завод, а? – миролюбиво проговорил Тимофей, видя, что брат впадает в истерику, которая совершенно неуместна за неделю до собрания акционеров. Тем более, в свете новых неприятных открытий херра Шульца, – Ты ведь организовал фирму по производству и продаже специй. У тебя процветающий бизнес, ты никогда не останешься в накладе, потому что основным потребителем твоей продукции является наш же мясокомбинат. Чего ты дергаешься?

– Почему? Ну, почему всегда так, а?! – возмущенно взревел Ванька и, воздав руки кверху, бессильно их опустил, – Почему я должен создавать, развивать, работать с утра до утра, а тебе все подается на блюдечке с голубой каемочкой. Почему, а?

– Я знаю почему! – с энтузиазмом отозвалась Марго, и Рубцов с Тимофеем затаили дыхания, в ожидании очередной нетактичной глупости, после которой с Ванькой приключиться что-нибудь совсем нехорошее.

Однажды он уже кинулся душить Марго после того, как она попыталась ему объяснить, что продать мясоперерабатывающий завод и начать выпускать на эти деньги женский журнал куда более выгодное, а главное, куда более интересное занятие для настоящего мужчины. Но тогда тема спора была много безобиднее. Сейчас же Ванька походил на вулкан Везувий за несколько минут до того, как Помпеи был снесен с лица Земли.

Однако Марго даже внимания не обратила на его внешний вид. Она спокойно продолжила, почесывая Мао за ухом:

– Все оттого, что ты низенький, некрасивый, нервный, но чертовски энергичный, а Тимофей красив и ленив как корабль пустыни. Ты рабочий муравей, а Тимочка – верблюд.

– Нет, вы слышали?! – прохрипел Ванька, – Вы это слышали? Она обозвала меня муравьем. Букашкой, навозным жуком. В глазах этого ничтожества – я муравей! Я ноль! Я мелкий и никчемный!

– Да, ладно тебе распалиться-то! – снова занял миролюбивую позицию Тимофей, – Меня Марго назвала верблюдом. А я, между прочим, еще никого в своей жизни не оплевал.

– Ой, вы знаете, а в Китае все плюются! Отвратительная привычка. Ходят и все время сплевывают себе под ноги. «Брр!» —весело заметила Марго, даже не придав значения тому, что ее только что чуть не прикончили. Во всяком случае, глядя на Ивана такое без труда можно было предположить.

– Вот видишь, – ласково пропел Тимофей, опасливо косясь на Ванькину руку, в которой тот теперь сжимал увесистый дырокол и явно примеривался запустить им в рассказчицу, – Все дело в китайцах. Марго просто проводила аналогию с Китаем.

– То есть теперь я в ваших глазах еще и китайская букашка, – рявкнул Ванька и прищурился, целясь в беззащитную женщину.

Рубцов вскочил, в порыве грудью защитит неразумное создание, которое теперь невозможно улыбнулось и ответило:

– Что ты! Китайцы такие милые, хоть и плюются!

Это оказалось той самой последней каплей, которая опрокинула котел, уже до краев наполненный кипящей лавой. Ванька вдруг разжал кулаки, дырокол выпал и брякнулся об пол. Младший Тарасов сник и тихо пробормотал побелевшими губами:

– Я, пожалуй, действительно пройдусь! Что-то мне нехорошо, – он понуро побрел к выходу, а когда открыл дверь, на секунду задержался на пороге, обернулся, оглядел еще раз всех в кабинете и процедил сквозь зубы, – Ничего. Скоро я стану президентом, и вы вот где у меня будете!

Он красноречиво показал им кулак и удалился, на удивление тихо прикрыв за собой дверь.

– Я что-то не поняла, Ванька собирается баллотироваться в президенты России? – спросила Марго, – О каком президентстве он говорил?

– О президентстве в нашей компании, – терпеливо пояснил Рубцов, который за время присутствия Ивана в кабинете не проронил ни слова, – Он хочет стать президентом компании «Ювертрест».

– Это лишнее, – решительно изрекла Марго и порывисто встала.

От неожиданной перемены позы собака у нее на руках истошно залаяла, переходя в верхах на повизгивание.

– Вот видите, – кивнула на нее Марго, – Мао решительно против. И я его поддерживаю. Ваньке совершенно нечего делать в кресле Тимофея. Тем более, что Тимочка очень хороший президент компании и никто не собирается его смещать.

– Ну... не скажи... – осторожно начал Рубцов, подбираясь к самому главному.

– Да ты что?! – перешла на шепот Марго и покосилась на Тимофея, продолжающего хранить невозмутимость, – Неужели мы его переизберем? Но я не хочу, чтобы Ванька...

– Никто из нас не хочет, – быстро проговорил Рубцов и тоже покосился на Тимофея.

– Да ладно вам, – не вытерпев балагана, тот встал и подошел к своему столу. Он нервно взъерошил волосы, после чего объяснился по сути, – Есть некоторая проблема на производстве. Видишь ли... в колбасном цехе...

– Вот! – неожиданно громко, так что и Тимофей и Рубцов подпрыгнули на месте, изрекла Марго, – Вот в чем причина! Вы все-таки проигнорировали мое предложение. А я ведь говорила, что выпускать журнал куда интереснее, чище и безопаснее, чем производить эту гадкую колбасу!

Она красноречиво сморщила нос:

– Вот, в чем корень зла! В колбасе! В этом мерзком вонючем мясе! И потом, разве вам не стыдно признаваться в обществе, что вы акционеры мясокомбината. Это же ужасно! Это так негламурно...

– Это как раз очень гламурно! – уверенно заявил Тимофей, – Для такой изысканной и стильной дамы как ты акционерство в производстве мясoproдуктов куда более неожиданно, а значит гламурно, чем какое-то банальное издательство.

– Да? – задумалась Марго, – А знаешь, может ты и прав. Так что там у нас за проблема?

– Видишь ли, херр Шульц подсчитал...

– Шульц, Шульц... – Марго закрыла глаза, явно вспоминая.

– Все! – взревел Рубцов, потеряв остатки терпения, – Я сам объясню. Только для начала давай уясним без вопросов и удивленных «ахов» на полчаса: херр Шульц – немец, приглашенный из Германии и работающий на мясокомбинате главным технологом. Понятно?

Марго утвердительно кивнула и вцепилась в холку Мао.

– И не надо кричать «неужели», когда речь пойдет о колбасе. Колбаса действительно производится из мяса.

Марго подавила в себе желание усомниться и, утвердительно кивнув, сглотнула сухой ком в горле.

– Отлично! – порадовался Рубцов, – Теперь о главном: херр Шульц зачем-то взялся подсчитывать приход мяса и выход продукции в колбасном цехе, и выяснил, что из одного килограмма мяса получается два килограмма колбасы. А это по технологии никуда не годиться.

– Ну, это можешь мне не объяснять, – усмехнулась Марго и поцеловала Мао в нос, – Правда, мой сладкий?! Конечно непорядок, когда из одного килограмма получается сразу два. Из одного килограмма мяса должен получаться один килограмм колбасы. Это понятно.

– Ни черта не понятно! – рявкнул Рубцов, – Из одного килограмма мяса должно выходить три килограмма варено-копченой колбасы, потому что кроме мяса в эту колбасу входит много ингредиентов, как-то жир, соя, эмульсия свиной шкуры, специи, соль, вода и еще...

– Да ты что?! – округлила глаза Марго, – И мы это едим?! Не может быть!

– Еще как может! Едим так, что за ушами трещит. В общем, Марго, речь даже не о колбасе, а о расчетах этого херра Шульца. Если он предоставит их на собрании акционеров, Ванька точно сместит Тимофея и станет президентом компании. И тогда всем нам не поздоровится.

– Н-да... – неожиданно серьезно согласилась Марго, – Но что же делать? Можно этого херра Шульца как-то заставить промолчать?

– Есть один способ, – Рубцов прищурился, – Он в тебя влюблен. И тебя он точно слушает. Влюбленный мужчина не может не послушать предмет своей любви. Только это нужно сделать как-то тонко, понимаешь. Чтобы не вызвать у него ненужных подозрений, будто Тимофей этой огласки боится, и все такое прочее...

– Господи, да нет вопросов! – радушно улыбнулась Марго, – Это же очень просто. Зовите вашего Шульца.

Через несколько минут херр Шульц был доставлен в кабинет Тимофея. Увидев Марго, он сначала затрясся, потом покраснел, потом побелел, а потом и вовсе сник и принялся рассматривать носки своих ботинок. Присев за стол он категорически отказался.

– Боже мой, ну конечно! – искренне обрадовалась ему Марго, – Теперь я вспомнила кто такой этот, как вы говорите, немецкий хер.

И Тимофей, и Рубцов разом икнули и прокляли себя за то, что втянули в это дело Марго.

«Ничего хорошего из этого не получится», – сказали они себе в одно и то же мгновение.

– Господин Шульц, – она подошла к нему, и, держа Мао в правой руке, взяла его за запястье левой, – Тут вот какое дело. Сегодня меня пригласили на вечеринку, посвященную открытию какого там клуба. А мне, как назло, не с кем пойти. Хотите составить мне компанию?

– О! – снова покраснел херр Шульц, все еще не решаясь поднять глаза на обожаемую им женщину, – О! Конечно! Я составлю вам компаний у любой место!

– Вот и славно! – улыбнулась ему Марго, – В таком случае вы не станете оглашать результаты ваших подсчетов в колбасном цехе.

«Весьма умно, а главное тонко!» – подумали Тимофей и Рубцов и разом чертыхнулись.

– Вы хотите меня купить? – как и ожидалось, гражданин Германии обиделся и по сей причине посмел взглянуть на Марго.

Та ни на секунду не растерялась.

– Вовсе нет, – она взяла его под руку и повела к окну, – Видите ли, если вы огласите результаты своих вычислений сегодня, когда по заводу таскается Иван Тарасов, то начнется собрание. Срочно созовут и других акционеров. Все будут скандалить, кричать, Иван непременно устроит какую-нибудь неприличную сцену с выяснением отношений и перейдет на личности, потом Тимофея сместят с должности президента, на его место поставят Ваньку. А мне бы этого совсем не хотелось, у меня испортится настроение и ни на какую вечеринку я не пойду. А значит, вам некому будет составлять компанию, – задушевно закончила она.

– Даже тактические ракеты куда тактичнее, – шепнул Тимофей Рубцову.

Тот согласился, и они снова разом чертыхнулись, предполагая худшее. Марго обрисовала Шульцу ситуацию целиком. Теперь он поймет, что Ванька станет во главе компании через пять минут после того, как он – херр Шульц – расскажет, до чего он досчитался в колбасном цехе.

– И я не пойду за вами у вечеринка? – огорчился немец, и Тимофей с Рубцовым напряглись. Кажется, у них оставалась надежда на успех.

– Именно так, – грустно подтвердила Марго.

– Но тогда к черту расчеты! – неожиданно изрек Шульц.

– Нда... Любовь действительно великая штука! – пробормотал Рубцов, когда дверь за Шульцем закрылась, и они вдоволь наסקаались вокруг стола, наобнимались с Марго и всячески навывражали свою радость по поводу удачного разрешения проблемы. Шульц согласился ждать две недели.

***

Полковник ФСБ Кудасов озадаченно уставился в листы доклада минуту назад принесенного майором Бойко.

– Вот черт, – тихо пробормотал он, в третий раз перечитывая надпись на титульном листе «Совершенно секретно».

– Так точно! – гаркнул Бойко, и подполковник вздрогнул. Потом он поднял больные от бессонницы глаза на майора и миролюбиво предложил:

– Ты бы, Вася, присел. В ногах правды нет.

– Так точно! – снова гаркнул подчиненный, и подполковник, вздрогнув, опять уставился на титульный лист доклада.

– Поганая новость... – глубокомысленно изрек он после продолжительной паузы и машинально зажмурился.

– Так точно! – как и ожидалось, гаркнул майор.

– Да перестань ты орать, – устало прошептал подполковник.

– Так точно! – Василий послушно сел на стул за длинным, полированным столом и с предельным вниманием уставился на начальника.

– А этот агент... вернее агентша Пепин... она уверена? – с надеждой в голосе спросил Кудасов и, видя, как майор открывает рот, поспешно добавил, – Ты только кивни.

Бойко послушно кивнул.

– Погано... – повторил подполковник, – Ни дня не проходит, чтобы какая-нибудь скотина не тиснула стратегически важную штуковину и не попыталась толкнуть ее за кордон. Значит, на этот раз сперли вирус. Погано... совсем погано... – он снова поднял покрасневшие глаза на подчиненного и сделал предположение, в котором плохо скрывалась слабая надежда, – Но ведь если бы украли, к примеру, ядерную боеголовку, было бы куда поганее. Не так ли?

– Так точно! – бодро подтвердил майор, вид которого свидетельствовал о том, что он не только крепко и долго спит, но еще хорошо питается, занимается спортом, счастлив в семейной жизни, и теща его живет в Саратове, – Хотя... – тут он немного погрустнел, – Этот вирус, как показал заведующий лаборатории НИИ вирусологии Иосифов И.С., может скосить половину населения Земли за несколько недель. Передается по воздуху и самое главное, на него, все еще, нет антивируса.

– Что ж они не берегли свой вирус, мать их! – возмутился Кудасов, – Опасные вирусы нужно держать в сейфе Швейцарского банка.

– Да о чем вы говорите, – усмехнулся Бойко, – Кто же какой-то вшивой лаборатории будет оплачивать аренду швейцарского банка? У них-то и обычного сейфа нет. Холодильная камера на ладан дышит.

– Тогда не черта производить такую дрянь в непригодных условиях, – подполковник покачал головой, – Поразились Кулибины, мать их.

– Так точно! – громогласно подтвердил майор, заставив начальника снова вздрогнуть, – Только вирус этот они вовсе не хотели производить. Он у них случайно получился. Они вакцину против причьего гриппа растили.

– Разгильдяи! Халтурщики! Вот все у нас так: начинают вроде бы хорошее дело, а выходит вечно какая-нибудь чертовщина. Вот поэтому вся наша страна изрыта Беломорканалами и перекрыта Братскими ГЭС. А на черта кому это нужно, хоть бы спросили!

Закончив пламенную речь, Кудасов снова уставился на титульный лист отчета. Бойко терпеливо ждал, когда начальник прочтет донесение до конца. Прошло минут пять, прежде чем подполковник снова взглянул на него:

– Хмм... Так значит ЦРУшникам удалось проследить, откуда пришло предложение о продаже вируса... молодцы ребята. Вы были на месте предполагаемой отсылки сообщения?

– Людей выслали, но пока никаких обнадеживающих результатов, – бодро отрапортовал майор, – И у меня есть одна мыслишка...

– Ну-ну... – подполковник вяло покачал головой, – Ты поосторожнее с мыслишками-то. Мыслишки – это, знаешь, не по нашей части.

Глава 2.

– Какие блондинки произносят больше всего глупостей в течение дня?

– Те, которые встают раньше, а ложатся позже.

(Из сборника анекдотов)

– Марго! – радостно воскликнула пышногрудая дама, затянутая в золотой атлас, – Как же я рада тебя видеть!

– Хер Шульц, держите меня крепче под руку, а то потеряетесь, – промурлыкала Марго и, растянув губы в радостной улыбке, кинулась навстречу «золотому атласу».

Положа руку на сердце, Марго лишь смутно догадывалась, что пышногрудой ее кто-то когда-то представлял. Ну, а если уж быть откровенной до конца, она понятия не имела ни кто эта дама в желтом атласе с осиной талией, всем своим видом напоминающая осу, которая стерла с себя черные полоски, ни почему она так радуется их встрече, и вообще, что она делает на этой вечеринке. И если уж на то пошло, и следует раскрыть все карты, то Марго даже не знала, что это за вечеринка. Она только начала догадываться, что в этом закрытом клубе все эти прилично одетые люди собрались по поводу какого-то крупного события в каком-то издательстве: может у них там вышла новая книжка, может у самого издательства какая-то круглая дата, или круглая дата не у издательства, а у владельца издательства.

Марго никогда не трудилась читать ту часть приглашения, где указан повод. Обычно она пробежала глазами, отмечая в уме дату и время приема, а также быстро скользнув глазами на последнюю строку, смотрела, есть ли заветная фраза «Мы ждем вас в вечерних нарядах» или что-то типа этого.

Если намечался прием без вечерних нарядов, Марго им больше не интересовалась, справедливо полагая, что она тратит слишком большие деньги на свой гардероб, чтобы он покоился дома. Ведь ее гардероб практически сплошь состоял как раз из вечерних нарядов, исключая может быть пару-тройку пеньюаров.

Херр Шульц едва поспевал за Марго. В то время как ноги его выполняли причудливую дробь, стараясь не зацепиться одна за другую, в голове его с той же скоростью сновали всякие мысли. И одна была радостней другой. Перед глазами проносились яркие картинки бесконечных праздников, ноздри почему-то ловили запахи свежесдобитого хлеба и скошенной травы, хотя официант, на которого он налетел, выплеснул ему в лицо коньяк и раскидал по полу таргалетки с черной икрой.

«Боже мой, – думал херр Шульц, даже не заметив несчастного официанта, грустно взвизгивающего на мгновенно опустевшие подносы, – Вот уж повезло так повезло!»

Понять причину безудержного восторга немолодого и не слишком привлекательного, тучного немца было не сложно. Вся его жизнь до недавнего времени проходила в маленьком городке с труднопроизносимым названием Хойтингсхайм, и была окружена почему-то сплошь женщинами слоноподобного типа, которых принято в его краях называть «немецкими танками». В глуши, где он рос, вырос, жил и работал женщины, вскормленные на баварских сосисках и вспоенные на хорошем пиве, отличались ростом и статью. Огромными и толстыми были мать и сестры херра Шульца, его соседки по улице, продавщицы в бакалейных и мясных лавках, учительницы в школе и подружки на вечеринках. Не трудно предположить, что сама мысль о женщине в голове херра Шульца рождала образ, рядом с которым Рубеновская Даная выглядела Дюймовочкой. Но благодаря современным технологиям, породившим журнал «Плейбой» и Голливудские блокбастеры херр Шульц конечно же знал, что где-то существуют и другие женщины: хрупкие, миниатюрные и красивые. Они передвигаются по земле летящей походкой, их талию можно обхватить, и чтобы рассмотреть их с ног до головы вовсе не обяза-

тельно отходить от них на пять метров. Вот уже сорок три года херр Шульц, засыпая, мечтал, что когда-нибудь он встретит такую женщину, и она разрешит ему взять себя за руку. На большее он даже не рассчитывал, справедливо полагая, что большой пивной живот, рыжие, торчащие во все стороны волосы, маленькие, глубоко посаженные глазки, пухлые розовые щеки и нос, напоминающий картофелину, которую здорово удобрили пестицидами, сделали свое дело. Природа потрудилась, оградив его робкую душу от общения с красивыми женщинами. Ни одна хорошенькая барышня не останется рядом с таким страшилищем дольше, чем на минуту. Конечно, оставались варианты, при которых либо у барышни могло быть плохое зрение, либо сумерки, либо кромешная тьма, в конце концов. Но на такую удачу херр Шульц даже не надеялся. И вот теперь случилось невозможное. Эта небожительница, которую он возвел в ранг святых и поклонялся ей издалека, вдруг снизошла до того, что пригласила его на вечеринку. Мало того, теперь она крепко держала его под руку, передвигаясь по полу той самой летящей походкой. А он тащился за ней как старый якорь, сгорая от стыда и полыхая от безудержного счастья.

Конечно, предложение пахивало сделкой. Ведь ему пришлось отложить информацию о проблемах на заводе на две недели. Но что стоит какая-то дурацкая информация об огромном хищении мяса в цехе в сравнении с радостью сегодняшнего вечера!

Правда пучеглазая тварь в другой руке небожительницы несколько омрачала радость херра Шульца, но он старался ее не замечать. Однако не замечать собачку становилось все труднее и труднее. Особенно трудно игнорировать ее было в те моменты, когда Марго сталкивалась с очередными знакомыми.

– Боже, Марго, – восклицали те, после того как прекращали восхищаться ее загорелой кожей и дивным платьем, – Представь же нам своего спутника!

– Это мой Мао, – молниеносно откликнулась небожительница и совала под нос немало изумленным знакомым свою псину, потом неизменно спохватывалась и добавляла уже не столь радостно, – Да, конечно. Это херр Шульц. Главный технолог нашего завода. Правда он милый?

Последний вопрос касался, разумеется, ее обожаемого пса. Тот тарашился на людей круглыми глазами, тьякал и пытался непременно кого-нибудь тьяпнуть, что вызывало в людях необъяснимый для немца восторг.

– Вот же мерзкая собаченка! – ревниво думал в такие минуты забытый херр Шульц, – И чем я хуже!

К середине вечера он уже был близок к тому, чтобы тоже кого-нибудь укусить в надежде, что Марго, наконец, перестанет тянуть его за руку как неизбежный балласт вечера, повернется и, может быть, хоть что-нибудь ему скажет. Если бы только несчастный немец знал, какая опасность угрожает ему, он перестал бы забивать голову пустяками, а, трезво оценив ситуацию, попытался бы себя как-нибудь обезопасить. Но все дело в том, что никто не знает, когда пробыет его час. Иначе те, кому суждено погибнуть от цветочного горшка, упавшего с пятого этажа блочного дома, выходили бы на улицу в касках.

Буквально в трех шагах от херра Шульца человек то и дело нащупывал в кармане прохладную сталь старого оружия. Человека этого звали Петр Семенович Барсуков. Он бы с радостью нащупывал сталь новенькой Береты или, в крайнем случае, армейского пистолета. Но Москва не Чикаго. В Москве трудно купить оружие, если ты не связан с преступными группировками. А Барсуков, то и дело сжимающий в потных пальцах ствол подарочного пистолета марки «ТТ», выпуска 40-х годов прошлого столетия к криминалу никакого отношения не имел. Во всяком случае, пока. Он был мирным бухгалтером. Вернее, главным бухгалтером компании «Ювертрест». Пистолет достался ему случайно при удачном стечении обстоятельств. Он и не пытался бы им воспользоваться, если бы его не приперли к стенке, которую он физически ощущал своими стареющими лопатками. Кроме того, Петр Семенович совершенно не умел стрелять. Настолько не умел, что сейчас он прокручивал в голове последовательность своих

будущих действий: дожидаться удобного случая, подойти поближе, приставить дуло под левую лопатку ненавистного немца и нажать на курок. Разумеется, вернее было бы выстрелить в затылок, но тут нужны особые условия. Даже ему, взявшему в руки старый пистолет с памятной надписью «За боевые заслуги от командующего Западным фронтом» это было ясно. Нельзя в людном месте вытащить из кармана оружие, приставить его к затылку другого человека, нажать на курок и остаться незамеченным. Особенно, если ты собираешься проделать такое впервые в жизни. Конечно, можно подкараулить Шульца в туалете, но где гарантия, что в туалете кроме них двоих больше никого не окажется...

Марго втощила своего спутника в плотное кольцо, и как-то так получилось, что все люди вокруг были заняты своими разговорами, на короткую минуту, ту самую счастливую минуту, не обращая внимания на гламурную блондинку с ее собакой в руках и с ее странным тучным кавалером на привязи. Барсуков шагнул к немцу, сжал в руке пистолет и начал медленно тащить его из кармана. Кровь стучала в висках, взгляд сконцентрировался на точке под левой лопаткой жертвы, куда он собирался приставить дуло. Он приказал себе собраться, счастливое мгновение нельзя упустить. Сейчас или никогда... Сейчас...

– Ванечка! Ты-то что тут делаешь?! – взвизгнула Марго и притянула к себе побледневшего младшего Тарасова, – Вот уж не ожидала тебя тут встретить. Ты же у нас такой деловой, совсем не любишь светские тусовки!

– Много ты обо мне знаешь! – невежливо буркнул Иван и покосился сначала на херра Шульца, а потом на повизгивающую собачку, – Оно у тебя вместо ридикюля, или ты надеешься, что от поцелуя эта тварь превратится в прекрасного принца?

Марго растерянно покосилась на побагровевшего отчего-то немца. Потом перевела озадаченный взгляд на Ивана и изрекла:

– Мне кажется, не сработает.

– Я имел в виду собачку, – хмыкнул тот, предпочтя не смотреть на Шульца.

– Ты как всегда безобразный! – беззлобно констатировала Марго, – А, кроме того, лучше промолчи, если ничего не понимаешь в модных тенденциях сезона.

– Хочешь сказать, что нынешним летом мода диктует дамам таскать под мышкой мелких собачек? – усмехнулся Тарасов и, вытащив руку из кармана, зачем-то нервно потер висок, – А если осенью мода предпишет вам носиться со слонами? Где устраивать тусовки? На большой арене в Лужниках?

– А почему тебя это так заботит? Ты уж точно никаких вечеринок устраивать не собираешься, – Марго одарила его обворожительной улыбкой и повернулась к опять забытому немцу, – Херр Шульц, я думаю вас не нужно представлять Ивану.

– Мы прекрасно друг друга знаем, – заявил за него Тарасов, и, склонив голову на бок, снова усмехнулся. На сей раз ему, – Густав, какая нелегкая принесла вас на это бессмысленное мероприятие, да еще в компании самой глупой женщины Москвы.

Пока херр Шульц мучительно краснел, раздумывая имеет ли смысл отстаивать честь дамы перед человеком, который знает эту даму не в пример лучше его, и вполне возможно имеет основания на подобные заявления, а кроме того, стоит ли этого человека бить по лицу, забыв про то, что он твой непосредственный начальник и к тому же хороший приятель, Иван быстро откланялся и исчез в толпе. Почему он не составил компанию немцу, тот так и не понял.

«Конечно, его выходка по отношению к Марго отвратительна, – подумал Густав, – Но она, кажется, не обиделась. Наверное, не стоит при встрече возвращаться к этому вопросу...»

– Петро! – взвизгнула Марго и ринулась к расфуфыренному молодому человеку, – Какое счастье, что я тебя встретила!

Петро отреагировал на бурное приветствие поцелуйчиками в обе щеки. Как официальный кавалер он возмутился фамильярностью этого самого Петро. И к тому же, он был моложе

и явно симпатичнее его самого. И одет, как в России принято говорить «с иголочки». Поэтому немец красноречиво засопел.

– Мао! – Марго сунула собаку прямо в нос Петро и, не меняя тона, подпихнула к нему своего спутника, – Херр Шульц.

Заметив, что знакомый Марго навострился и его облобызать, немец в ужасе отпрянул и попятился. Петро недоуменно хмыкнул, и вдруг маняще ему улыбнулся, заметив:

– Какой спелый персик. Где ты его откопала, Марго?

Херр Шульц пребывал в смятении чувств. Жителю Хойтингсхайма редко доводилось встречаться с такими кокетливыми мужчинами. Может тот и не держал в уме ничего дурного, а просто веселился. Но в его родном городишке на 20-ть тысяч человек, мужчины друг другу так откровенно не улыбались. Правда Герда Кох – жена бакалейщика и известная сплетница не раз говорила, что Манфред Шимер – мясник на бойне уж слишком откровенно заглядывается на нового учителя географии, приехавшего в город всего три месяца назад. Но Густав лично знал Манфреда, не один раз пил с ним пиво и даже шнапс, и никаких отклонений не обнаружил. Даже наоборот – Манфред мрачный субъект, двухметрового роста, вечно небритый и в крови по локоть. Херр Шульц уж скорее заподозрил бы его в людоедстве. И если он заглядывается на учителя географии, то учителю географии есть о чем беспокоиться. А с Герды что взять? Ей ведь лишь бы языком трепать, не важно о чем.

– Давайте что-нибудь выпьем, – тем временем предложил Петро и, схватив бокал вина с подноса пробегающего мимо официанта, многозначительно шагнул к несчастному немцу, – Херр Шульц, как вас мама звала?

Тот икнул и побледнел. Отступать было совершенно некуда. Позади него стояла та самая дама в желтом атласе. При ней еще толпилось человек пять гостей, которые вовсе не собирались расходиться, освобождая проход для побега.

– Густав, – Марго равнодушно наблюдала за разворачивающейся трагедией, поглаживая свою пучеглазую скотину, – его зовут Густав. Думаю, что мама его именно так и зовет.

– Густав, – глаза Петро налились медом, – Давайте выпьем. На брудершафт!

В его руке откуда-то появился второй бокал, который он протянул херру Шульцу. Тот в ужасе взглянул на Марго, но коварная небожительница делала вид, что ничего страшного перед ее глазами не происходило. А может быть на московских вечеринках мужские поцелуи были в порядке вещей.

Однако немцу из Хойтингсхайма целовать смазливое Петро совсем не хотелось, поэтому он пискнул сдавленное извинение и ринулся в туалет, расталкивая на своем пути хорошо одетых гостей.

Позади он слышал веселый смех Марго и этого мерзопакостного Петро. Тот еще всхлипывал:

– Ты смотри, купился!

Барсуков еще несколько минут назад сжимавший в потной ладони рукоять пистолета, брел не разбирая дороги. В груди его холодела черная пустота, которую он мог бы назвать разочарованием от несбывшейся надежды с примешанным страхом за свой завтрашний день, если бы он мог найти хотя бы одно правильное слово. Но все слова вылетели из головы, когда он понял, что план его провалился и застрелить немца прямо сейчас он не может. А сможет ли он заставить себя повторить попытку, он не был уверен. Силы покинули его настолько, что он едва не потерял сознание. Ко всему прочему, он едва не налетел на Ивана Тарасова, что уж совсем нельзя было допустить. Иван прекрасно его знал, а быть узанным в его планы не входило.

Виски Петра Семеновича сдавило, в ушах стоял какой-то космический гул, перед глазами плясали яркие, разноцветные пятна. Единственное, что он отчетливо понимал, так это то, что его сейчас вырвет. Тошнота накатывала волнами, и каждая новая волна была сильнее

прежней. Едва сдерживаясь, чтобы не привлечь к себе внимание бурными излияниями, состоящими из яичницы, съеденной на завтрак, а так же бутербродами и лапшой быстрого приготовления, которыми он перекусывал вместо обеда, обладатель подарочного пистолета доплелся до комнатки с манящей буквой «М», открыл ее, вложив в действие последние силы, шатаясь, пронесся мимо раковин и писсуаров и укрылся в спасительной кабинке. Одной из трех. Здесь он смог предаться чувствам, изливая содержимое своего желудка равнодушному в своем безмолвии унитазу.

Херр Шульц прошелся мимо раковин, мимоходом глянул на себя в зеркало. Собственное отражение ему не понравилось: рыжие волосы, за которые его в детстве дразнили Паклей, торчали во все стороны, а глаза на покрасневших щеках горели так, как будто ему так и не удалось избежать издевательского поцелуя. Они над ним посмеялись! Хохотали ему вслед, когда он улепетывал. Как в детстве бегал от сильных и дерзких старшеклассников. Он открыл кран и, намочив ладонь, попытался придать прическе достойный вид. Тем временем туалетная комната наполнилась посетителями, которые, шумно переговариваясь, застыли у писсуаров и заполнили собой пустующие кабинки. Немец едва заметно поморщился. Ему совсем не хотелось возвращаться в огромный зал, где его поджидали всякого рода светские развлечения, где его выставляли шутком. По крайней мере, он собирался переждать минуту – другую и собраться с духом. Все-таки вечеринка требовала от него некоторых усилий. Привыкший к тихой, уединенной жизни и неискушенный в подобных мероприятиях он оказался застигнутым врасплох таким количеством людей. Конечно, он и не мыслил сбежать, ведь там, среди толпы была Марго – та самая женщина, о которой он грезил бессонными ночами. И оставить ее теперь, когда удача странным образом подвела ее к нему, после того, как она держала его за руку и кидала на него многообещающие взгляды, он был не в силах. Херру Шульцу просто необходимо перевести дух. И лучше бы ему сделать это в тишине. Или хотя бы в относительном покое.

Когда туалетная комната наполнилась мужскими голосами, Барсуков замер, прислушиваясь. Его желудок к тому моменту был уже настолько пуст, что источал неприятные урчащие звуки. В соседних кабинках затопали и закряхтели, что заставило Петра Семеновича затаить дыхание. Отчего-то он испугался больше, чем тогда, когда сорвалась его первая в жизни попытка покушения на чужую жизнь. Ему вдруг показалось, что если его сейчас обнаружат, то всем сразу станет ясно, зачем он пришел на эту вечеринку. Ведь такие как он по мероприятиям подобно этому без дела не шляются. Он пришел по делу, узнав, что именно сюда собирается с Марго его жертва. Дамочку эту он терпеть не мог за то, что она всегда проплывала мимо людей такой походкой, которой, наверное, ходили царицы: с высоко поднятой головой, не замечая никого, кто попадался на ее пути. Разве что встречным объектом оказывался кто-то из ее окружения, тогда она лучезарно улыбалась, застревая в проходной, щебеча какую-нибудь милую нелепость и извечно собирая позади себя толпу желающих пробиться через турникет служащих. И все стояли и ждали, пока она нашебечется и соизволит пройти дальше. Потому что все знали, даже если ее попросить посторониться, она все равно никого не услышит. Барсуков ненавидел ее за то, что она была такой красивой, такой равнодушной и такой далекой. Он ненавидел ее за то, что она жила в новом доме на Ленинских горах, ездила на Порше красного цвета, одевалась за границей и каждый утро начинала с посещения дорогого салона красоты. Он ненавидел ее за то, что за свое состояние она не заплатила тяжким трудом, как другие. Оно ей просто досталось. Ей его подарили. Это престарелого бухгалтера больше остального выводило из себя. Была б его воля, уж лучше бы он ее застрелил – одним паразитом на заводе стало бы меньше.

Но судьба распорядилась, как всегда, согласно своей несправедливой логике, и ему необходимо убить работягу – технолога, который, в сущности, ничего плохого ему не сделал, хотя конечно был противным рыжим немцем, приехавшим в Россию за длинным рублем и измывающим всех вокруг немецкой педантичностью. Если бы не эта чертова педантичность, он

никогда не подумал бы о хладнокровном убийстве. Но Барсуков, нависающий сейчас над унитазом, точно знал, что по причине этой самой педантичности, херр Шульц вскоре раскроет его секрет. И тогда ему несдобровать. Тогда пропадет то, ради чего он уже пошел на одно преступление. Он вздохнул.

– Что, жарко? – услышал он голос, доносившийся от раковин.

– Йа, йа... – ответил голос херра Шульца, и сердце пока несостоявшегося убийцы, прыгнув в горло, забилося там испуганной птицей. Перед глазами потемнело. Не помня себя от страха, он вскочил на унитаз и, присев, сжался в комок.

– Йа, йа... – передразнил голос, который решил пообщаться с немцем, – Натюрлих, что ли?

– Я есть немецкий технолог, – представился херр Шульц по обыкновению сделав ударение на последнее «о», – Делать колбаса без мяса.

– Это как? – весело удивился его собеседник.

– Крахмал, калагенан, соя и эмульсия шкурк, – вежливо пояснил немец несмотря на то, что человеку, подошедшему к раковине, было, явно плевать на процесс изготовления дешевой колбасы. Да и выглядел он уже весьма выпившим.

– Немецкое – значит отличное, – хохотнул собеседник, и, встряхнув руками, зачем-то радостно добавил, – Квадратишь, практишь, гут.

– Йа, йа, – озадаченно подтвердил херр Шульц.

– Матка, масло, яйца, – завершил речь собеседник, тем самым обозначив пределы своего познания в иностранных языках. В довершении он дружески хлопнул окончательно ошалевшего от такого напора немца по спине и, заметно покачиваясь, пошел к двери.

Несчастный технолог опасливо покосился по сторонам, пытаясь разгадать, что имел в виду загадочный собеседник, и, увидав подходящего к раковине краснолицего детину, который уже начал приветливо улыбаться и явно собирался продолжить начатый своим коллегой диалог с интуристом, шмыгнув к спасительным кабинкам. Ему отчаянно захотелось одиночества. Хотя бы мимолетного. Кабинки, как назло, были все заняты. Вернее, двери их были закрыты, однако, если в двух из них снизу были видны ноги в башмаках, то в третьей таковые отсутствовали. Херр Шульц, как нормальный человек, решил, что дверь в кабинку закрыта, но там никого нет, и, если ее хорошенько дернуть, она непременно откроется. Он так и поступил. С первого раза ничего не вышло, дверца упорно сопротивлялась и не хотела открываться.

– Дьявол! – тихо прошипел покрасневший от двусмысленной ситуации немец и дернул еще раз.

– Тут все заедает, – пояснил тот самый краснолицый субъект, от общества которого херр Шульц так стремительно пытался скрыться, – Ты сначала ногой долбани, потом подергай.

Немец, сгорая от стыда, изо всех сил ударил ногой по непослушной дверце. Та затрещала, но открываться явно не собиралась.

Барсуков скорчился на унитазе и, обняв сливной бачок, как родное существо, закусил губу, чтобы не взвыть от отчаяния. Такого исхода он никак не предполагал.

– Да что ты в самом деле! – краснолицый вздохнул и в три размашистых шага очутился рядом с херром Шульцем, – Дай-ка я!

С этим он схватился за ручку двери и требовательно потряс. Дверь отказалась подчиниться.

– Вот же дрянь какая! – выругался краснолицый, – А вот так?!

Тут он саданул по двери с такой силой, что дверца соседней кабинки распахнулась, явив изумленной публике восседающего на унитазе очкастого господина.

Господин крикнул, уронил очки и хлопнул удивленно глазами.

– Ну, знаете ли... – после некоторой изумленной паузы пискнул он.

– А чего расселся! – разозлился краснолицый, – Не на вокзале!

– Я лучше пойдем, – убитым голосом пробормотал измученный херр Шульц.

– Щас! Пойдет он! – гаркнул краснолицый и с силой захлопнул дверь кабинки с очкастым господином одной рукой. Другой он вцепился в локоть немца, и ожесточенно прохрипел, – Я этого так не оставляю.

После чего он с диким рыком ринулся на мятежную дверь, подобно Дон Кихоту, готовому сразиться с ветряной мельницей. Херр Шульц слабо вскрикивал, пытаясь удержать нападающего, но тот отпихивался, нанося удары по трещащему дереву.

Барсуков закрыл глаза и слабо запищал. Если дверь откроется, немец узнает его и тут же поймет, зачем он здесь. Вызовут охрану, его обыщут, найдут пистолет... Вот какие страшные картины мелькали в голове несчастного. Тем временем дверь под шквалом ударов начала корежиться, выползая из петель.

Непонятно к чему привела бы сокрушительная атака краснолицего. Вполне возможно в порыве гнева на неполадки в структуре мест общественного пользования, он пошел бы дальше сломанной двери, накинувшись на унитаз и на того, кто на нем сидел. Во всяком случае, вид у него был соответствующий. Наверное, визита охранников было бы не избежать, а участникам трагедии уж точно пришлось бы объясняться с менеджером клуба, но тут Петру Семёновичу, попискивающему от ужаса на унитазах, неожиданно улыбнулась удача. Дверь дальней кабинки открылась, и из нее вышел несколько ошалевший от шума долговязый парень в модной рубашке и платке, завязанном вокруг шеи на замысловатый узел.

– Ну, мужики, вы даете, – заметил он, и озабоченно оглядев краснолицего, участливо осведомился, – Ты тоже ел салат из омаров?

– Проваливай, – крикнул тот, не прекращая долбить по дверце.

– У меня от омаров несварение, – интимно сообщил парень, – И зачем я только ел этот салат!

– Я пойду! – настойчиво повторил херр Шульц и, предприняв некоторые усилия, вырвался из пальцев краснолицего. После чего он шмыгнул в освободившуюся кабинку, заперся и выдохнул.

Как ни странно, но краснолицый тут же прекратил атаки на дверь, покрутил кистями, замысловато выругался и стремительно покинул помещение. Барсуков, не веря своему счастью, прыгнул с унитаза и дрожащими руками открыл засов.

– Ну и дела, – усмехнулся парень в модной рубашке, увидав в зеркале его отражение, – Ты что ему денег должен?

Счастливо освобожденный дико посмотрел на него, махнул рукой и вылетел вон.

***

Майкл Райд потер глаза кулаками и тоскливо взглянул на пустую зеленую дорожку для мини-гольфа посреди своего кабинета. Ему хотелось попробовать показанные Фредом приемчик, который способствовал попаданию мяча в воротца. Но вместо этого ему предстояло писать отчет для начальства, который он откладывал в надежде, что все само собой рассосется. Оставался ничтожный шанс, что новоявленный предприниматель из России, выкинувший на черный рынок особо опасный вирус, о котором уже три месяца ходили слухи в агентстве, просто пошутил. Майкл упрямо тянул с отчетом, хотя было очевидно, что шанс на нелепую шутку ничтожен. Сегодня стало понятно, что писать бумагу все-таки придется, поскольку ему позвонили сверху и спросили, как обстоят дела.

«И как только до них информация доходит, – возмутился про себя начальник отдела компьютерных коммуникаций, – Стукачи проклятые. Только и знают, что доносить друг на друга!»

Он вздохнул и принялся барабанить пальцами по клавиатуре, по ходу формулируя правильные фразы, целью которых было довести до сведения начальства, что если кто-нибудь

доберется до вируса раньше, чем опытный в таких делах секретный агент их управления, то мировой демократии, пожалуй, наступит быстрый конец. Не говоря уж о самом ЦРУ, президенте США, его первой леди и его любимой секретарши, страсть к которой он скрывает под необходимостью решать неотложные дела даже на отдыхе.

Правда Майкл пытался закамуфлировать страшную правду тяжело читаемыми фразами типа «необратимые последствия» и «необходимость оперативного вмешательства», однако сути это не меняло. Лишь слегка подслащивало пилюлю, которую придется проглотить вышестоящим чиновникам.

«У нас есть неоспоримое преимущество, – быстро набирали пальцы Майкла, – которое состоит в том, что мы первые узнали об этом предложении. Ни спецслужбы самой России, ни разведки других стран пока не в курсе. Поэтому действовать необходимо незамедлительно».

***

Во Ди – подполковник внешней разведки мельком глянул на вытянутого в струну капитана Дао Во, после чего снова опустил глаза на принесенный рапорт.

– Наш русский агент не мог ошибиться? – спросил он.

– Нет, – бодро отрапортовал капитан и щелкнул для верности каблуками, – Он никогда не ошибается, а поэтому стоит нашему правительству слишком дорого. Но это оправдано.

– Что оправдано, а что нет решать не вам и не здесь, – осек его подполковник, – Решения принимает коммунистическая партия. Так вы в своем докладе утверждаете, что некий русский человек готов продать любому, кто заплатит столь смехотворную сумму этот страшный вирус?

– Да, – капитан снова браво щелкнул каблуками, хотя в душе его точил червяк сопротивления.

«Ничего себе смехотворная сумма, – думал Во Ди, которому едва хватило денег, чтобы внести первый взнос за второго ребенка – чудесную черноглазую дочку, которая появилась на свет три месяца назад и за рождение которой он будет расплачиваться с долгами аккурат до ее совершеннолетия, – три миллиона долларов!».

Майкл Райд немало бы удивился, узнав, что новость о продаже смертоносного вируса уже более не является достоянием ЦРУ, а летит по миру со скоростью разносимых по кабинетам разведывательных служб докладов.

– Наш китайский агент не ошибается, – заверил своего начальника Жозе Вьер, кладя ему на стол тоненькую кожаную папку. Изящную, как все французское.

– Удивительное дело, – усмехнулся Пьер Роше, раскрыв папку и бегло читая донесение, – Эти русские всегда требуют одну и ту же сумму. Можно подумать, что три миллиона долларов в стране с таким огромным количеством владельцев нефтяных и алмазных компаний является недостижимой мечтой и пределом финансовой возможности.

– Мы должны реагировать, – обращаясь к своему секретарю, уверенно заявил Джон Браун, разделенный со своим коллегой Пьером Роше проливом Ламанш, – Предоставьте мне список наших агентов, способных выполнить это задание.

Тут он поднял глаза на застывшего по стойке смирно офицера и, склонив голову, поинтересовался на всякий случай:

– Томас, вы полагаете, наш французский агент подкинул нам подлинную информацию? Вы знаете, я этим лягушатникам не слишком доверяю.

Офицер щелкнул каблуками и отчеканил:

– Наш французский агент всегда дает точную информацию. Поэтому он и стоит нам так дорого.

Дело в том, что Майкл Райд, сидя в своем отделе компьютерных коммуникаций уже давно утратил связь с реальностью. Ему все еще казалось, что получение информации – это рутинная

работа, отвлекающая его от любимого мини-гольфа, в то время как информация уже давно стала хорошим бизнесом.

Глава 3.

– Сколько нужно блондинок, чтобы вкрутить лампочку?

– Одна. Она держит лампочку, а мир вращается вокруг нее.

(Из сборника анекдотов)

– Я тебе так скажу... – Марго пощелкала пальцами в воздухе, и секретарша, словно услышав ее, распахнула двери кабинета начальника, явившись на пороге в полной готовности исполнить любое повеление его посетительницы. Та оглянулась, и, перехватив в руку свою собачонку, отчего та взвизгнула, пропела на высокой ноте, – Милая, мне кофе с двумя кусочками сахара и сливками. Только не ту растворимую бурду, которую вы подали вчера, а нормальный кофе. Я сегодня не позавтракала, и так спешила, что не успела заскочить в кафе.

Увидав озадаченное лицо секретарши, она сдвинула брови и строго добавила:

– Да-да, я не пью растворимый кофе. Я вкалываю на этом заводе добрых пять лет, так что пора уж выучить мои нехитрые претензии.

– Но, у нас нет нерастворимого кофе, – растерянно пискнула Тамара.

Марго повернулась к Тарасову в возмущении:

– Темочка, дела на заводе совсем плохи?

При упоминании о плохих делах Тарасов тут же напрягся. До поры до времени он не хотел обсуждать заводские дела ни с одним из членов совета акционеров, каковым Марго все-таки являлась. А, кроме того, дела действительно были плохи. Настолько плохи, что и самому Тимофею думать о них в начале рабочего дня совсем не улыбалось. Он постарался придать своему лицу удивленное выражение:

– С чего ты взяла?

– Хмм... – она снова подкинула свою пучеглазую собачку, та снова взвизгнула, – У вас не хватает денег даже на закупку недорогого кофейного оборудования для офиса. О чем тут говорить!

– Но мы как-то не задумывались над этим, – пожал плечами Тарасов, который о кофе за последние полгода вообще не думал. Равно как и о еде, девушках и прочих радостях жизни, которыми изобиловали его прежние дни и ночи до того момента, как отец передал ему во владение этот чертов мясной комбинат.

– Интересно, о чем вы вообще тут думаете, если не смогли подумать о самом важном. Как может нормально трудиться человек, выпивший растворимую дрянь? – Марго уставилась на него требовательным взглядом, словно хотела немедленно получить отчет обо всех достижениях трудового коллектива за те самые последние полгода.

– Марго, – Тимофей примирительно улыбнулся, – Поверь мне, если бы ты знала о труде не понаслышке, ты бы понимала, что с кофе трудовая активность работников совершенно не связана.

– Это тебе так кажется, – она фыркнула и перевела взгляд на собачонку, сообщив ей, – Я поставлю вопрос о несоответствии напитков на этом убогом заводике перед советом акционеров, – тут она снова оглянулась на обомлевшую от растерянности секретаршу, – А пока, сделайте милость, закажите мне кофе в каком-нибудь хорошем кафе.

– Но... – секретарша отступила на шаг назад.

– Господи, – Марго закатила глаза, – Пошлите курьера, в конце концов. Не могу же я работать на пустой желудок! Или у вас даже курьера нет?

– Тамара, пошли действительно курьера! – быстро приказал Тарасов, видя, что Марго начинает раздражаться не на шутку.

– Но Федор собрался вести документы в банк, – испуганно пискнула секретарша.

– Банк подождет, – отмахнулась Марго, чем прекратила дискуссию и в одночасье изменила маршрут ничего не подозревающего курьера на ближайšie два часа.

Наверное, она изменила рабочий день и неизвестного ей сотрудника банка, который с утра ждал отчет компании «Ювертрест», а также спутала планы всей бухгалтерии завода, которые зависели как раз оттого, примет ли сотрудник банка этот отчет и выдаст ли добро на очередной транш. Впрочем, если бы Марго узнала обо всех этих изменениях, о сложностях в рабочем дне десятков людей, которые она создала одним лишь взмахом руки, она вряд ли изменила свое решение послать курьера в первую очередь за кофе. В этом была она вся. Она думала лишь о себе и о своих потребностях, зачастую забывая о возможностях. Приди ей блажь заполучить Луну, она бы очень удивилась, узнав, что ее нельзя подать на блюдечке с голубой каемочкой, и уж будьте уверены, не остановилась бы на том, чтобы просто развести руками и произнести банальное «что ж, нельзя, так нельзя». В конце концов, Луну бы ей кто-нибудь преподнес. Уж такой она была.

Не понятно, как и почему в мире появляются женщины подобные Марго, к которым по непонятным же причинам мужчины испытывают особенный трепет и стремятся исполнить все их желания. И дело тут вовсе не в сексуальности, коей они, конечно же, обладают, как и всякая женщина, а скорее в природном таланте выглядеть всегда беспомощной и глупенькой девочкой, которую любой нормальный мужик стремится если не защитить, то уж одарить чем-нибудь, что облегчило бы ей жизнь в этом жестоком мускульном мире. Таким женщинам даже не нужно быть какими-то удивительными красавицами. Красоту им заменяют наивный блеск в глазах, по-детски слегка выпяченная губа, удивительная манера говорить глупости и совершать нелепые поступки. Если бы таким показался хоть один мужчина, его бы сочли дураком и перестали приглашать в приличное общество. С милыми дурочками типа Марго все обстоит с точностью до наоборот. Чем глупее она выглядит, чем наивнее ее суждения, тем большей популярностью она пользуется в обществе и как следствие, тем лучше устроивается в жизни. Таков уж закон существования, где о равенстве полов говорить неуместно. И красавицы, и умницы, завоевавшие высокие должности и хорошие оклады, утверждающие о том, что женщина наконец-то добилась равноправия с мужчиной немало удивились бы узнав, что используют свой ум, талант, красоту и внутреннюю силу, чтобы казаться глупой и беззащитной они добились бы куда больших успехов.

Хорошее доказательство этой теории Марго. Непонятно, когда она научилась молоть вздор с таким уверенным видом, будто в голове у нее действительно кроме опилок ничего нет. Однако именно благодаря этому своему таланту она, не просидев ни одного часа над учебниками, умудрилась не только окончить школу без троек, но и поступить в довольно престижный институт. Правда название этого института уже стерлось в ее памяти, как стиралась вся ненужная информация. Единственное, что она помнила, так это растерянные лица профессоров, которые неизменно ставили в ее зачетку вполне приличные оценки при полном отсутствии знаний по предмету, мотивируя это либо: «как же жаль ее бедняжку», либо: «кто же поможет этой милой идиотке устроиться в жизни, как не я». Был у некоторых и такой довод: «зачем ее мучить, если она все равно не только выучить, а даже понять не в состоянии».

После института, в то время как ее сокурсницы принялись делать карьеру, Марго устроилась секретаршей к какому-то крупному чиновнику из Министерства внешней торговли. Тут уж она проявила себя на всю катушку, не только вечно путая деловые бумаги, опаздывая на работу часа на три, относя отчеты не тем и доставляя прессу не по адресу, но и умудряясь поить своего начальника напитком, состоящим из трех ложек кофе и одного кусочка сахара, а не наоборот, как он не уставал просить. Чиновнику, несмотря на распространенное мнение в их бездушности, совесть не позволила выгнать такое неприспособленное к жизни существо на улицу, а потому он потратил немало сил и использовал все свои связи, чтобы пристроить Марго в местечко потеплее. Так она сменила начальника, перейдя в другое министерство на

должность секретаря самого министра. Далее она сменила несколько престижных работ, все время поднимаясь в положении и окладе. Нигде особенно не задерживаясь и сохраняя со своими работодателями прекрасные отношения. И что самое интересное, никогда не прибегая к оказанию интимных услуг. Надо сказать, что такие женщины как Марго не используют секс в целях достижения материальных благ. Они слишком наивны для этого, а потому укладываются в постель к мужчине исключительно по любви. Ну, или по безудержной страсти. Однако о последнем они всегда сожалеют, неизменно полагая, что совершили страшную ошибку.

В их удивительных головках образ идеального мужчины всегда один, тот, с которым умные и образованные красавицы расстаются лет в 14-ть, поняв, что такого можно встретить разве что на страницах дамских романов. Образ этот весьма незамысловат: средних лет, красив лицом, атлетически сложен, умен, щедр, справедлив, не гуляка и не повеса, не имеет вредных привычек, зато имеет положение в обществе и материальное состояние. И, как ни странно, такие женщины как Марго, находят именно таких мужчин. Уж где они их берут совершенно не понятно, но находят же. А может быть счастье женщин подобных Марго просто не замечать то, что в глаза кидается более умным и образованным соплеменникам.

Марго, к примеру, была дважды безумно влюблена и именно в таких редких экземпляров. Во всяком случае, именно такими они ей представлялись. Первым был владелец сети ресторанов, с которым она прожила два счастливых года. Потом, правда, он ударился в бега, испугавшись мести своих компаньонов, поскольку не смог покрыть растрату, связанную с приобретением дома под Москвой. Кстати, дом и БМВ последней модели он оставил Марго, убежав от нее среди ночи, можно сказать, в одних трусах. Зато совесть у него осталась спокойной, он не выкинул беззащитное существо на улицу, оставив ни с чем. Марго очень горевала около полугода, проживая оставленное имущество и утешаясь тем, что на деньги, полученные от неумелой продажи дома и машины она смогла приобрести кое-какой приличный гардероб и несколько золотых безделушек известных европейских фирм.

А потом она встретила свою вторую любовь – крупного банкира. Бурные чувства заставили ее позабыть о горе разлуки с владельцем сети ресторанов, она переселилась к новоиспеченному возлюбленному и жила бы с ним до сих пор, если бы не одно досадное обстоятельство – банкир оказался ревнивым, что при стиле жизни Марго было совершенно неуместно. Она, разумеется, выходила в свет, посещала всякого рода вечеринки и модные тогда презентации. Ее любили все, с кем она водила знакомство, и однажды, какой-то неразумный субъект, который ко всему прочему являлся владельцем крупного казино, так расчувствовался, что подарил ей Мерседес, который стоял у входа в его заведение в качестве манящего приза для посетителей. Дело было в том, что Марго засиделась в этом самом казино, а когда позвонила, чтобы вызвать такси, ей сообщили, что машину ей подадут не раньше, чем в семь утра. Вот глядя на расстроенное лицо с наивным блеском в серых глазах, владелец казино и расчувствовался. Именно так слово в слово Марго и объяснила своему банкиру, когда тот имел наглость поинтересоваться, откуда у нее взялся злосчастный Мерседес. Но банкир был настолько бездушен, что не поверил ни единому ее слову. Более того, из светлой мечты любой женщины он вдруг превратился в домашнего тирана, ревнивца похуже печально известного мавра. Одним словом, банкир выгнал Марго на этом самом Мерседесе, в багажник которого уложил весь ее гардероб, включая и золотые безделушки к тому времени изрядно приумноженные, а так же чек на получение приличной суммы в иностранной валюте.

Однако Марго, совершенно не приспособленная к жизни, даже к жизни с большим количеством денег, понятия не имела, что делать. Поэтому она поехала назад в казино и предстала перед его владельцем с довольно обоснованными претензиями.

«Из-за вашего Мерседеса, – сказала она, утирая мокрые от слез глаза надушенным платочком, – У меня поломалась вся жизнь. Теперь мне негде и не на что жить».

Владелец казино оказался человеком совестливым и не способным выкинуть беззащитное существо на улицу. Вот и говори потом, что все владельцы казино бездушные бандиты. Конкретно этот владелец тут же купил Марго квартиру в новом доме на Ленинских горах и подарил пакет акций мясоперерабатывающего завода «Ювертрест», которые имел благодаря тесной личной и финансовой дружбе с его владельцем Тарасовым, отцом Тимофея. И еще извинялся перед Марго за оказанные неудобства.

Таким образом, она стала акционером устойчивого предприятия, кем и являлась по сей день. И есть ли смысл в таком случае остальным женщинам уж так добиваться пресловутого равноправия с мужчинами? Уж скорее любая из тех, кто метит в сильные мира сего, полжизни бы отдала за то, чтобы научиться наивно хлопать глазами как Марго и ей подобные и нести чушь с таким уверенным видом, словно эта чушь и есть истина.

– Подождите, – Марго озадаченно взглянула на секретаршу, которая уже собиралась бежать исполнять ее желание, – Мао тоже не завтракал.

Она ласково улыбнулась пучеглазому псу.

– Ему тоже кофе? – удивилась секретарша.

– А собаки пьют кофе? – в свою очередь изумилась Марго, но тут же пришла к выводу, – Нет. Это нелепо как-то. Я нигде не видела собак, которым бы понравилось ваше предложение. А вы можете мне поверить, я успела объехать полмира.

– Ну... – окончательно растерялась секретарша, – Тогда я не знаю.

– О, Боже! – Марго закатила глаза и с вызовом взглянула на молчаливо внимающего Тарасова, – Где ты ищешь своих работников? В летнем лагере для умственно отсталых детей?

– Марго, – ему стало неудобно перед секретаршей, работой которой он был, в общем-то, доволен, и которая теперь смотрела на него полными слез глазами, – Уверю тебя, Тамара профессионал. Она прекрасно справляется со своими обязанностями.

– Если она предлагает собаке выпить кофе, то что же она предлагает тебе на ланч? – совершенно беззлобно удивилась Марго.

– Ну, что хочет твой Мао? – теряя терпение, поинтересовался директор, которому меньше всего в этот день хотелось знать ответ на этот вопрос. У него других вопросов было выше крыши, и собака эта, как и сам совершенно непонятный визит Марго, которую он не приглашал, были совсем не к стати.

Гостя пожалла плечами:

– Откуда мне знать. Мао не умеет говорить по-русски. А других языков я не знаю.

– Я бы уточнил, что твой Мао вообще говорить не умеет. Тамара, – он повысил голос и взглянул на секретаршу, – Принеси этой псине говядины из цеха мясных деликатесов, и покончим на этом.

Кто же знал, что столь нехитрая просьба потянет за собой цепь событий, в которых именно Марго, совершенно не подготовленная к перипетиям такого рода, окажется чуть ли не главной фигурой.

Не явись она к Тимофею именно сегодня или не попроси она накормить собаку, приключения минули бы ее стороной, оставив счастливо здравствовать в тихой заводи ее жизни с наивными надеждами встретить принца номер три. Но колесо фортуны уже крутанулось, и теперь ей оставалось лишь надеяться, что остановится оно в секторе «приз».

***

Секретарша Тамара суетливо припудрила носик, сняла трубку с аппарата, чтобы тот не звонил понапрасну, раздражая начальство, после чего отправилась в цех мясных деликатесов. Мысли ее витали недалеко от истины. Женский мир, раздраженно думала она, поделен на неравные части. К большей из них принадлежит она сама со всеми ее проблемами, с неустроенностью в личном плане, с необходимостью проживать в двухкомнатной квартирке на окра-

ине Москвы вместе с родителями, с невозможностью одеваться в шикарных магазинах и покупать дорогое нижнее белье. К другой, несравнимо меньшей части относится Марго, которая, похоже, даже не подозревает о том, что в Москве существует метро.

«Почему так?! – возмущалась про себя Тамара, стуча каблуками по лестнице, – Почему этой законченной идиотке все, а мне шиш с маслом?! Чем она лучше?!»

Проходя по огромному вестибюлю заводской части, она мельком взглянула на себя в зеркало, что, добавило жару в раздувающеся пламя негодования. Тамара пришла к выводу, что и лицом, и фигурой она вышла ничем не хуже расфуфыренной Марго, а местами даже лучше. К примеру, ее талия сантиметров на пять тоньше, а грудь выше. И глаза у нее больше, и ресницы длиннее. И вообще, сложись обстоятельства по-другому, она вполне могла бы стать если не звездой Голливуда, то уж женой нефтяного магната – точно. Однако на этом вшивом мясокомбинате никто не желает замечать в ней женщину. А между тем ей уже 25-ть, и, как все чаще повторяет ее мамочка, пора заканчивать ходить в девках.

Поначалу Тамара очень рассчитывала на нового директора – Тимофея Тарасова, который на заводе, несомненно, являлся самым завидным женихом, несмотря на тянущийся за ним шлейф рассказов о его многочисленных любовных похождениях в прошлом. Тамару этот шлейф не пугал, она с энтузиазмом принялась красоваться перед боссом, но, как выяснилось уже в скором времени, совершенно напрасно. Получив кресло директора, Тарасов утратил интерес к женщинам, по макушку утонув в делах вверенного ему предприятия. Тамару он воспринимал исключительно как придаток к факсу, который по требованию еще и кофе приносит или что-то в этом роде. В конце концов, она в нем разочаровалась, снова пустившись на поиски. Поскольку работа занимала весь ее световой день, а зачастую захлестывала и часть вечера, секретарша могла искать выгодного кавалера лишь в непосредственной близости от приемной Тарасова. Конечно, тут же нарисовался Рубцов – давний приятель Тарасова, который ничуть не утратил тягу к женскому полу в связи с назначением своего друга на должность директора, и изо всех сил клеился к Тамаре. Но он вряд ли мог стать достойным спутником жизни. Тамара точно знала, что у него три пассии в бухгалтерии, которых он меняет в зависимости от настроения и погоды. Еще у него легкий романчик с директором отдела маркетинга – пышнозадой Ниной Ильиной, у которой, какая ненасытность, уже есть не только муж, но и пятилетний ребенок. Еще Рубцов во всю ухлестывает за длинноволосой девицей из PR-отдела, а также имеет связь с дамой средних лет из отдела сбыта. И это только на заводе. А сколько у него женщин за пределами предприятия одному Богу известно. Устранить такое количество конкуренток из сердца своего избранника Тамара была не в состоянии. Она нереальных планов не строила.

Как назло, все остальные достойные мужчины, которых она видела в приемной начальника, были женаты. А с женатыми лучше не связываться. Эту истину Тамара усвоила очень хорошо еще в институте, где имела долгий душераздирающий роман с одним молодым, к сожалению, женатым профессором. Конечно, на заводе оставался еще этот мерзкий немец – херр Шульц. Но, во-первых, мечта пожить в обеспеченной Европе, с ним, похоже, была бы призрачнее, чем без него, потому что он не собирался покидать Россию в обозримом будущем, а, во-вторых, и это явилось для Тамары настоящим ударом, он, как оказалось, влюблен в Марго.

«И почему она всем нравится? – в который раз возмущенно удивилась Тамара, открывая дверь в цех мясных деликатесов, – Ведь дура душой! С ней даже поговорить не о чем!»

Еще, правда, в запасе у нее оставался курьер Федя Скоков, но это был уж совсем пропавший вариант. Так сказать, от бедности. Федя и зарплаты-то приличной не имел, не говоря уже обо всем остальном: потертые джинсы, которые у него, по всей видимости, единственные, и полное отсутствие каких-либо устремлений, за исключением одного, затащить ее – Тамару в койку. Чем он и занимался, если для него не находилось каких-то иных занятий. Вечно околачивался у ее стола и мешал работать, неся какой-нибудь бред про то, как сыграла его

любимая футбольная команда ЦСКА, всех игроков которой он называл, почему-то «кони», и какие подонки игроки Спартак, которых он, по тем же необъяснимым причинам называл «свиньями». Нет, Федор был совсем не вариант! Даже если бы они остались вдвоем на необитаемом острове, она все равно постаралась бы найти ему применение, согласно штатному расписанию, и отослать от себя куда-нибудь подальше с курьерской почтой.

С такими неприятными мыслями Тамара шагнула в цех мясных деликатесов, который, судя по запаху, вряд ли производил то, о чем было заявлено в его названии. Тамара – убежденная вегетарианка, сморщила нос и огляделась. Кругом кипела работа, одного взгляда на которую, убежденному вегетарианцу было достаточно, чтобы хлопнуться в обморок. В помещении резали мясо. В одном углу на крюках разделявали говяжьи туши, в другом свинье, посередине на огромных столах несколько рабочих, орудуя огромными ножами и громко матерясь, превращали бесформенные куски плоти в антрекоты и шницели. У дальней стены работала машина по изготовлению котлет. Тамара, стараясь не вдыхать слишком часто, шатаясь, направилась к центральным столам.

– Кто такая? Почему без формы!?! – окликнули ее сбоку, и к ее ужасу, к ней начал приближаться человек в окровавленном фартуке, с огромным ножом в мускулистых ручищах.

Тамара ойкнула и попятилась к двери, почему-то вообразив, что сейчас и ее как коровью тушу подвешат на крюк и примутся хладнокровно разделявать, отрезая самые аппетитные куски от тела.

– Ну, чего молчите? – ухмыльнулся мужик, и, проследив за ее взглядом, спрятал нож за спину, – Вы из бухгалтерии?

– И многих бухгалтеров вы уже так... – спросила Тамара, косясь на его руку, засунутую за спину.

Мужик расхохотался, от чего, все остальные у центральных столов замерли и уставились на нее, как на новое пришествие. Поняв, что ее никто прямо сейчас разделявать не собирается, Тамара немного пришла в себя и, осмелев, спросила:

– Вы что, женщин без формы вообще не видели?

Мужик с ножом хохотнул еще пару раз, а потом вполне серьезно и обстоятельно пояснил:

– Видите ли, барышня, находиться в мясном цехе без соответствующей формы запрещено не только дирекцией предприятия, но и санэпидемнадзором. Вы белые халаты при входе видели?

– Честно говоря, не обратила внимания, – созналась Тамара.

– Это нехорошо. Работник мясокомбината должен понимать, что он имеет дело с производством продуктов питания, даже если он ни разу не видел, как они, собственно, производятся.

– Извините, – пискнула секретарша и, метнувшись за дверь, быстро нацепила на себя халат, который, наверное, когда-то и был белым, но к тому моменту, как повис на ее плечах, уже носил следы пребывания в цехах по производству мясных продуктов.

– Хмм... – когда она снова появилась, мужик оглядел ее и одобрительно кивнув, заинтересовался, – Так вы зачем к нам?

– Я секретарь господина Тарасова – директора нашего предприятия, – представилась она, – Мне поручено одно деликатное дело.

– А зовут вас как, секретарь господина Тарасова? – ухмыльнулся мужик и снова оглядел ее с ног до головы, отчего Тамара почувствовала себя совсем глупой. Ну, в самом деле, надо же было так представиться!

– Т-тамара, – почти прошептала она и поправилась, – Тамара Волкова.

– Уже теплее, Тамара Волкова, – видя ее беспомощность, совсем развеселился мужик, – Так что за деликатное дело привело вас в цех мясных деликатесов? – Тут он оглянулся на работников, застывших у стола, и проорал, – Работаем, мальчики, не отвлекаемся.

По его команде ножи снова засновали по тушам, из чего стало понятно, что он тут главный.

– Мальчики, – усмехнулась Тамара.

– Ну, не девочки же. Так в чем дело? Вы как-то сильно бледны, – он взглянул на нее с участием, – Белее халата даже. Вам тут не нравится?

– Не то, чтобы очень... – нерешительно призналась Тамара.

– Тогда давайте поспешим, а то вы сейчас в обморок хлопнитесь, а я так и не узнаю, о деле настолько важном, что директор предприятия, сам господин Тарасов, прислал к нам своего рафинированного личного секретаря.

– Ну, зачем вы так, – обиделась Тамара, подозревая, что за словосочетанием «рафинированный личный секретарь» мужик явно подразумевает «любовница». Он вообще держался с явным пренебрежением ко всем тем, кто не работает в этом цехе, – Кстати, как к вам обращаться?

– Меня зовут Андрей Юрьевич Сазонов. Я начальник цеха мясных деликатесов. Ну, можете звать меня просто господин Сазонов, – он усмехнулся, явно издеваясь.

– Только если вы будете обращаться ко мне госпожа Волкова, – Тамара тоже усмехнулась, решив раз и навсегда покончить с этим его превосходством.

Конечно, он на своей территории, но ведь и она не уборщица, – Мне нужно от вас, господин Сазонов, совсем немного. Можно сказать суший пустяк. Один из акционеров нашего завода притащил с собой собачку, которую не успел покормить дома, а потому меня попросили принести немного говядины.

Казалось, начальник цеха мясных деликатесов был немало удивлен. Сначала он вскинул одну бровь, потом вторую, потом потер свободной рукой щетинистый подбородок, а потом вдруг расхохотался.

– Прекратите немедленно! – Тамара покраснела, поняв всю глупость происходящего. На месте этого мужика она отреагировала бы точно так же. Ну, исключая, конечно, потирания щетины, за неимением оной.

– Мяса кусочек, – не обращая внимания на ее протест, всхлипывал он, – Вас послали за кусочком мяса! А псина сидит и ждет в кабинете директора! Паноптикум!

– Вы предпочли бы иметь дело с самой собакой?! – возмутилась Тамара, к тому моменту уже красная как рак.

– Я предпочел бы, чтобы руководство завода, включая и его акционеров, занималось делом, – отрезал господин Сазонов, перестав хохотать.

Конечно, Тамара могла бы пуститься в полемику, напомнив зарвавшемуся начальнику цеха о том, что его ежемесячная стабильная и довольно высокая зарплата плод трудов как раз руководства предприятия и всех тех людей, которые сидят в офисном здании завода. А кормление собаки – это скорее нелепое исключение из правил их трудового дня.

Тамара оформляет кучу бумаг, из которых понятно, что Тарасов, как бы он ни разочаровал ее в личном плане, в производственном весьма прогрессивный управленец. Разумеется, он пока еще многое упускает из виду, все-таки у Тамары высшее экономическое образование и она кое в чем смыслит лучше своего босса, и, тем не менее, удержать даже такой устойчивый завод на плаву – огромная работа и нагрузка для психики. Ведь большие устойчивые предприятия гибнут подобно Титанику. Если уж начали тонуть, то, скорее всего, не выплывут. Так что в задачу Тарасова входит не допустить малейшего крена, что, конечно, тяжело. На такие темы Тамара могла рассуждать часами, и, скорее всего, договорилась бы до того, что самодовольный Сазонов, явно полагающий, что только он на заводе и работает, в конце концов, принес бы письменные извинения руководству предприятия за свои необоснованные обвинения. Но секретарь не стала трудиться. Во-первых, ее ждут в приемной, а, во-вторых, от запаха свежего мяса ее действительно стало сильно тошнить.

– Ну, а пока вы не выдвинули свое новаторское предложение на обсуждение совета акционеров, позвольте нам заниматься тем, чем мы привыкли, – ехидно заметила она и поджала губы.

Что, конечно, тут же поставило упрямого мясника на место. Сазонов не был ни ворчун, ни революционером, исподтишка ругающим начальство, хотя и полагал вполне искренне, что работают на предприятии лишь в цехах, а в офисном здании бьют баклуши и катаются на их трудовых шеях. Но еще в недавнем прошлом такой порядок вещей его вовсе не раздражал. Проще говоря, он и не задумывался ни о директоре, ни о предприятии в целом. Он работал, получал зарплату, и этого ему вполне хватало. Однако недавно все изменилось, у него появился личный враг в лице главного технолога – этого рыжего херра Шульца, которого он теперь мечтал как-нибудь устранить. Так что упоминание о любом начальстве и связанной с ним детальной проверке входа и выхода мяса в цехах, его раздражало. И кто просил этого немецкого херра начать какие-то подсчеты, за которые ему не только никто не платил, никому и в голову не пришло, что их нужно проводить. И вот на тебе, со всей своей немецкой педантичностью он влез в это дело. Теперь непременно полетят головы, и его голова уже качается на шее. Это Сазонов знал точно, а потому каждый новый день приносит ему все больше неуверенности в завтрашнем.

И зачем он только ввязался во все, во что ввязался. Ему-то зачем это?! Конечно все дело в воспитании, которое он получил в период социализма. А теперь, при капитализме, он со своим неумным робингудством не только ни к селу, ни к городу, а почти на скамье подсудимых. Вот он и злится, и кидается на людей, подчас зря. И на девушку эту зря накинулся. Ведь девушка Сазонову очень даже понравилась, даром что секретарша.

Начальник цеха бросил на нее несколько смущенный взгляд, который Тамара тут же расценила, как недоброжелательный.

«Хорошая девушка, – мелькнуло в голове у Сазонова, – И умная, и с юмором. Такие не по нам. Такие крутятся возле директорских кабинетов. Встреться мы с ней, к примеру, в театре или на выставке, или пусть даже в баре, я бы не упустил случая, чтобы завязать приятное знакомство, а дальше, уж как пойдет. Я бы согласен и до конца пойти...»

Тут он испугался собственных мечтаний. «Пойти до конца» на сленге каждого заядлого холостяка, коим являлся Сазонов, означало одно – жениться. И ему пришла эта крамольная мысль при мимолетной встрече с девицей, которую пять минут назад он и знать не знал. Тем более, что все точки между ними расставлены: он мясник, она рафинированная секретарша начальника завода. Тем более, начальника завода, который, по слухам, ни одной юбки за свою жизнь не упустил. И уж этим лакомым кусочком точно лакомиться. Да и ее, похоже, такое положение вещей устраивает. Вон как независимо вскидывает головку, и морщит милый носик. Мясной цех ей явно не по душе. Еще бы! Тарасов, наверное, водит ее в модные рестораны, где подают один салат.

«Что ж, – Сазонов вздохнул, – вот она, девушка его мечты, которая в эту минуту проходит мимо него. И с этим приходится мириться! А что он ей может предложить? Тем более, что в свете последних событий еще непонятно кто он: уволенный или подследственный!»

Погрустнев от таких мыслей, начальник цеха, повернулся и махнул девушке своей мечты рукой:

– Идемте в холодильный цех. Отрежем вашей псине самый лучший кусок.

– Это не моя псина, – пояснила Тамара и поплелась следом, – Эта псина одного из акционеров.

– Жаль... – протянул Сазонов.

– Жаль? Чего? – удивилась Тамара.

– Что у вас нет собаки. Я отрезал бы ей лучший кусок.

Неожиданное и странное признание в любви слетело с его уст быстрее, чем он подумал о его последствиях. Поняв, что произошло, Сазонов замер, испугавшись. Его даже пот прошиб, выступив на лбу тремя крупными каплями. Хорошо, что девушка, видно не слишком им заинтересованная, пропустила столь пылкое излияние чувств мимо сердца, лишь пошутив:

– У меня попугайчики. А они, как и я вегетарианцы.

«Я ей совсем не нужен», – еще раз взгрустнул начальник цеха и отворил дверь в помещение, где в темноте висели свежие туши, ожидающиеся своей очереди на разделочный стол.

Он включил свет и тут же позабыл о том, что еще минуту назад чуть не сделал предложение незнакомой девушке. Посреди большой комнаты на кафельном полу под тушами лежал человек. Сначала он увидел его ноги в темных брюках и черных ботинках. Ноги эти лежали как-то неестественно. Вообще-то и сам человек был совершенно неуместным в холодильном цехе, тем более лежащим. Стоящий – еще куда ни шло, но лежащий...

Тамара тоже заметила ноги мужчины и испуганно прижалась спиной к холодному косяку.

– Что он тут делает? – недоуменно пробормотал Сазонов и направился к лежащему, аккуратно пробираясь между тушами.

Тамаре очень не хотелось следовать за ним, учитывая, что вокруг болтались тела мертвых животных, но любопытство, присущее любой женщине не зависимо от ее социального положения, образования и внешних данных, взяло верх. Она поднялась зачем-то на носочки и подобно балерине, готовой исполнить замысловатое па, ринулась следом. Тут Сазонов, как-то неприлично крикнув, резко остановился. Тамара налетела на его спину и осторожно выглянула из-за его плеча.

– Что он тут делает? – растерянно повторил Сазонов дрожащим голосом.

– Что вы так разволновались, – съязвила Тамара, видя из-за его плеча лишь темный затылок лежащего и руку в белом халате, – Он же в форме. Может он спит.

– Я никогда не видел человека, по своей воле лежащего в холодильном цехе, – глухо отозвался Сазонов, – Разве что на его спине было бы огромное красное пятно.

– Что?! – Тамара изловчилась и, отодвинув не сопротивляющегося начальника цеха, оглядела лежащего целиком.

И ее тут же захлестнула паника. Кровь прилила к лицу, голова закружилась. Человек в белом халате не спал. Он был либо мертв, либо приближался к этому состоянию, о чем свидетельствовало огромное красное пятно крови на его спине.

– Эй! – позвал человека Сазонов, – Алло!

Тот не откликнулся.

– П-пульс! Проверьте пульс! – задыхаясь, прошептала Тамара, изо всех сил цепляясь за локоть своего спутника.

Сазонов потянулся к руке лежащего, дотронулся до нее кончиками пальцев и тут же отпрянул в сторону.

– Да какой там пульс! – выдохнул он явно через силу, – Температура тела как в этом холодильнике.

– Вы хотите сказать, что он умер? – пискнула секретарша.

– Умер и уже успел очоченеть, – пробормотал начальник цеха, а потом резко повернулся к Тамаре, схватил ее за плечи и жарко зашептал в лицо, – Вот что, вы же секретарша директора, да?

Она испуганно кивнула, даже не удивившись, что он переспрашивает после длительной дискуссии как раз на тему ее секретарства.

– Тогда пулей бегите к своему начальнику и доложите обстановку.

– А милиция? – шепотом спросила Тамара, убежденная в том, что в таких случаях любой гражданин в первую очередь сообщает о происшествии именно в органы правопорядка.

– Пускай они и решают, кого и когда вызывать, – отчеканил Сазонов и, развернув ее к двери, легонько подтолкнул в спину, – Бегите, Тамара, нигде не останавливайтесь и никому ничего не говорите. Сначала Тарасову сообщите!

Тамара послушно поцокала на каблуках, что в ее понимании означало побежать. Сазонов, глядя ей в след, подумал, что такой цапельной походкой она достигнет кабинета своего боса не раньше, чем через пятнадцать минут. Пока то да се, словом, у него в запасе есть минут тридцать – сорок. Этого вполне достаточно, чтобы осмотреть тело и принять решение, как вести себя дальше. То, что этот человек теперь лежащий лицом в пол с дыркой в спине у левой лопатки и с огромным красным пятном на халате как-то связан с тем, что беспокоило его самого последнее время, Сазонов не сомневался.

Глава 4.

– *Что ответит блондинка, если спросить, работает ли мигалка?*

– *Работает. Не работает. Работает. Не работает...*

(Из сборника анекдотов)

– Ну, как прошла вчерашняя вечеринка? – Тимофей со скучающим видом переложил несколько деловых бумаг с одного края стола на другой.

Честно говоря, ему было плевать, как там прошла эта чертова вечеринка. Более того, ему очень хотелось поскорее выпроводить Марго и заняться неотложными делами. Но он прекрасно знал, Марго просто так не выпроводишь. Вернувшись в Москву, она погрузилась в рутину летней жизни. Впрочем, жизнь у нее хоть летом, хоть зимой была одинаково рутинной. Однако летом эта рутина наводила тоску как-то особенно жестоко. И Марго страдала. Она пережидала время от одной вечеринки до другой. И, по всей видимости, в кабинете Тарасова, как раз коротала часы перед очередной встречей со старыми, до боли надоевшими приятелями. Сейчас она сладко потянулась, подкинула свою глазастую собачонку и наморщила прелестный носик:

– Ужасно! Кто этот херр Шульц, которым вы так дорожите?

– Ну... – Тарасов полистал настольный ежедневник, понял, что завтра у него переговоры с генеральными поставщиками говядины, и начал потихоньку раздражаться. К этой встрече нужно серьезно готовиться, а он уже второй час развлекает скучающую иждивенку.

«Не так уж не прав Ванька, который советовал держать Марго подальше от завода!» – подумал он и сжал кулаки.

Вслух же он проговорил вполне миролюбиво:

– Херр Шульц главный технолог нашего предприятия. Очень ценный сотрудник.

Марго, казалось, ждала этой реплики. Она сдвинула брови и проговорила возмущенно и с тем напором, с которым говорит женщина, долго обдумывавшая свою речь:

– Не знаю, какой он сотрудник, но кавалер из него совсем никудышный!

– Да? А что так? – зверея, поинтересовался Тарасов.

И Марго с воодушевлением поведала ему свою версию событий:

– Сначала он заперся в туалете и проторчал там около часа. Потом потаскался за мной минут двадцать для приличия, а после этого и вовсе испарился, сославшись на какие-то неотложные дела на заводе.

– На заводе? В десять вечера? Какие у него могут быть тут дела в это время? – удивился директор предприятия.

– Ну, не знаю! – Марго пожала плечами и поджала пухлые губки. Вид у нее был очень обиженный, – И ты еще утверждал, что он в меня без памяти влюблен! – она горестно покачала головой и взглянула на Тимофея глазами старой учительницы, уличившей пятиклассника в незнании таблицы умножения, – Милый мой, ты ничего не понимаешь в любви. Я видела много влюбленных в меня мужчин. Этот ваш немецкий хер не похож ни на одного из них.

– То, что он в тебя влюблен, утверждал вовсе не я, а Рубцов, – усмехнулся Тарасов, – И вообще, это его идея свести тебя с немцем. Вот с него и спрашивай.

– А где он? – оживилась Марго и огляделась по сторонам, словно начальник службы безопасности мог прятаться где-то в кабинете.

– Пойди и поищи? – с надеждой предложил чрезвычайно занятый директор завода, который уже второй час без толку тратил свое рабочее время.

– Вот еще, – Марго даже хмыкнула, мол, надо же ляпнуть такое, – Твой Рубцов наверняка уже с утра гарцует возле какой-нибудь заводской красотки. Не в моих правилах отрывать мужчину от охоты.

«Интересно, – к концу ее речи пришло в голову Тарасову, – Что проще выгнать ее из кабинета по-хорошему или задушить?»

Он попытался найти слова, которые убедили бы Марго покинуть его кабинет, и чем дольше он пытался, тем плотояднее поглядывал на тоненькую шейку своей посетительницы.

– Я надеюсь, – вспомнив обиду, Марго снова поджала губки, – что ваш этот Шульц прекрасно провел вчерашний вечер.

***

Надежды Марго не сбылись. Видимо потому, что были неискренними. Густав Шульц отвратительно провел прошлую ночь, сегодняшнее утро и вся будущая неделя не сулила ему ничего хорошего. Виною тому был он сам. Он клял себя, на чем свет стоит за то, что сбежал от дамы своего сердца под каким-то дурацким предложением. Хотя в тот момент на вечеринке, где их обступили какие-то мужики, ему казалось, что он больше просто не вытерпит, и сотворит какую-нибудь глупость, что навсегда отвернет от него обожаемую Марго.

Она была со всеми мила, а его, похоже, даже не замечала. Он торчал рядом, словно какая-то отвратительно устаревшая деталь гардероба. Типа меховой горжетки тетушки Марты, которую эта старая перечница каждое воскресенье цепляла перед походом в церковь. Никто не мог понять, какой несчастный зверь лишился шкуры ради такого отвратительного аксессуара. И в конечном итоге местные мальчишки стали звать ее Крысиной королевой. А его, Густова, соответственно, крысиным племянником. Что не прибавляло радостных дней в его детстве. И эта дурацкое воспоминание так плотно засело в его голове, что рядом с Марго он вновь почувствовал себя посмешищем. Крысиным племянником. Он топтался возле нее и кряхтел. Ему казалось, что из всех кавалеров Марго он самый невыигрышный вариант. За весь вечер он так и не смог подобрать нужных слов, чтобы выразить свои чувства. Да что там чувства, он вообще с ней парой фраз не перекинулся. Когда они ехали на вечеринку в ее шикарной машине, говорила только она. Она рассказывала про свою нелепую поездку в Пекин, где, по ее словам, все жители на одно лицо. Он кивал, не перебивая, как подобает истинному джентльмену, хотя имел на этот счет весьма занятные соображения. Во всяком случае, все собеседники рядом с которыми он открывал рот, считали его умным и начитанным человеком. Однако Густав сердцем чувствовал, что его суждения не представляют для Марго никакого интереса. Во время этой треклятой поездки херр Шульц мучительно соображал, о чем бы таком завести речь, чтобы хоть намекнуть Марго, что он тоже умеет разговаривать. И, к сожалению, пришел к выводу, что таких тем на свете не существует.

Очутившись среди людей, его спутница начисто о нем позабыла и принялась выкладывать всем встречным уже известную ему историю своей поездки в Пекин.

– Вы не представляете, – совершенно так же, как пятнадцать минут назад, она хлопала в ладоши и повторяла уже другому клиенту, – Те два монаха в оранжевых тряпках такие чудики! Одно то, что они отважились выйти на улицу в таком виде, говорит о многом. И эти люди, разгуливающие по столице своей страны в каких-то уродливых одеяниях, да еще бритые наголо, я уж не говорю об отвратительных узких глазках, которыми их обоих наградила природа, так вот два этих чудика принялись уверять меня, что они живут праведной жизнью монахов. И что такое, по-вашему, для них есть праведная жизнь? – она выдерживала театральную паузу и продолжала, – Только не падайте, они, видите ли, отказались от всех удовольствий, включая нормальную еду, вино, сигареты и секс. Нет, вы когда-нибудь такую чушь слышали?! Люди живут в каких-то горах, вертят какие-то деревяшки, всю жизнь таскают на себе отвратительное тряпье, отравляя своим видом, как бы это выразиться... – на этом месте она всегда замолкала, явно вспоминая фразу, наконец, счастливо улыбалась и изрекала, – природный ландшафт. И

еще имеют наглость говорить, что все это они делают из любви к Богу! Чушь какая! Бог создал этот мир со всеми его приятными вещами, подарил его людям и сказал что-то вроде «пользуйтесь», я для вас постарался. Так ведь находятся умники, которые своими отказами как бы говорят Богу: «Не надо нам вашего старания. Нам это не нужно!» И еще заявляют, что делают это во имя Творца. Нет, если в ресторане вы откажетесь отведать блюдо шефа, сказав, что не станете есть для его же блага, мне кажется, ему это не понравится. А вы как думаете?

Что к этому монологу мог добавить католик Густав Шульц? Впрочем, в этом он был не одинок. Собеседники расползались один за другим. Но на их место подтягивались новые, и Марго заводила свою пламенную речь с начала. В общем, когда в кармане немецкого технолога неожиданно зазвонил телефон, он даже обрадовался, потому что на одну секунду взгляды присутствующих обратились в его сторону. Он использовал эту секунду на все сто, улыбнулся практически каждому рядом стоящему и только потом ответил. Мужской голос был ему не знаком.

– Херр Шульц? – поинтересовался голос.

– Йа, йа! – уверил его немец.

– Вам необходимо приехать на комбинат, – по-деловому отчеканили в трубке.

– Зачем? – осведомился главный технолог.

– Неотложное дело, связанное с вашим расследованием.

– Моим расследованием? – озадаченно повторил Густав, – Какой расследованием?

– По факту утечки мяса из цехов.

– Утечки... – пробормотал немец, пытаясь представить, как мясо может утекать. Впрочем, русскому языку, в котором мясо может не только «утекать», но еще и «уходить», «уплывать», «улетать», «растворяться», «испаряться» и совершать еще Бог весь какие передвижения, он уже перестал удивляться и даже кое-что начал понимать. Например, сейчас, правда, спустя несколько секунд раздумья, он все-таки понял смысл предложения. Речь шла о его подсчетах, согласно которым большая часть мяса из колбасного цеха исчезает в неизвестном направлении.

– Вы меня слышите? – требовательно спросили на другом конце линии.

– Да-да. Завтрак. Не сегодня.

– Какой еще завтрак?! – возмутился голос, – Я же вам сказал, неотложное дело.

– С кем я говорю? – удивился херр Шульц, которого впервые столь настойчиво просили явиться на работу в десять вечера.

– Петр Иванов, служба охраны, – отчеканил голос.

– Сейчас никак не могу, – растерянно пробормотал Густав и покосился на Марго, которая вещала в полуметре, совершенно его не замечая, – Но... – и тут он дал слабину. Ему стало ужасно обидно, что она на него не смотрит, хотя сама же пригласила провести с ней этот вечер. Он вспомнил, как собирался на первое свидание с женщиной своей мечты: как собственноручно отгладил пять рубашек, как перемерил их перед зеркалом, как сменил дюжину галстуков и все равно побежал в магазин за новым. И еще ему стало стыдно за себя.

Женщина что? – существо ветреное и непостоянное. Имеет право таковой быть, тем более, если она Марго – первая красавица в мире. Конечно, это не ее вина, что он таскается рядом словно то самое бессловесное мясо, которое то утекает, то испаряется. Он не стал для нее тем мужчиной, каким хотел быть. Не смог заинтересовать ее, а ведь имел шанс. Прояви он хоть немного инициативы, отпусти пару комплиментов, возьми за руку, или хотя бы посмотри ей в глаза не как глупый баран, а как влюбленный мужчина, возможно сегодняшней вечер и не был бы таким безвозвратно потерянным.

Все эти мысли пронесли в голове немца, он совсем погрузился и ответил в трубку убитым голосом:

– Я еду.

– Отлично. Ждем, – отчеканил голос, после чего связь оборвалась.

Сейчас, стоя перед зеркалом в уборной комбината, и пытаясь прейти в себя от полученных на проходной неприятных эмоций, херр Шульц со жгучим стыдом вспоминал, как пробубнил нелепые извинения той, рядом с которой хотел остаться на всю жизнь. Как она вскинула брови, оглядела его с ног до головы и, ничего не сказав, отвернувшись, как ни в чем ни бывало продолжив прерванный монолог про надоевших китайский монахов.

Густав вспоминал, как он шел к дверям по залу с веселыми беззаботными людьми и чувствовал себя побитым псом, изгнанным хозяином из будки.

Херр Шульц глянул на свое изуродованное лицо, которое и до вчерашнего вечера не было слишком привлекательным, а теперь он счел его и вовсе отвратительным. Два огромных синяка под левым глазом, кровоподтек на правой щеке, разорванная нижняя губа, – с таким видом никто не отважится явиться на работу. Но что делать, ведь еще вчера ему сказали дело срочное. Именно это срочное дело заставило его сегодня бодрым шагом подойти к заводским воротам, а потом около часа препираться с охранником, который никак не хотел узнавать в бродяге с заплывшим глазом, и от которого за версту несло, как от винного магазина, главного технолога.

Густав криво усмехнулся, вспоминая свое неприятное ночное приключение. Впрочем, если бы он вышел на улицу не в таких расстроенных чувствах, наверное, ничего бы и не случилось. Но что уж теперь говорить. Он вышел из клуба, где оставил Марго на попечение всех мужчин, приглашенных на вечеринку, которые съедали ее глазами, и побрел по улице, куда глаза глядят. Пройдя около километра, он вдруг вспомнил, что обещал некоему Петру Иванову явиться на завод незамедлительно и, подойдя к обочине, поднял руку, вознамерившись поймать такси. Ждать пришлось совсем недолго. Уже в следующую секунду к нему подрулила старенькая Тойота, и из пассажирского окна высунулся тип в очках.

– Куда нужно, папаша? – браво поинтересовался он.

Густав заглянул в салон и, не найдя водителя на привычном месте, несколько растерялся. Потом он понял, что машина с правым рулем.

– Завод... – пробормотал херр Шульц, раздумывая, не послать ли этого очкастого водителя от себя подальше и не поймать ли другую машину.

– Садись, садись! – подбодрил его очкастый, видя, что клиента гложут сомнения.

Херр Шульц уже перестал удивляться странностям России, поэтому само появление машины с правым рулем в столице страны, где официально принято левостороннее движение, его нисколько не смутило. Однако он никогда еще не совершал поездок в таких экстремальных условиях, какие ему запросто предлагали сейчас.

«Да, что там, – неожиданно подумал про себя Густав, окончательно придя в упадническое настроение, – Чего себя так беречь? Что во мне такого замечательного? Ведь если сегодня я разобьюсь на этой колымаге, она даже не заметит моего исчезновения!»

С такими мыслями Густав залез в Тойоту и, сказав адрес, приготовился свести счеты с жизнью. Наверное, этим бы все и закончилось, потому что водитель оказался не просто лихим, а каким-то невменяемым. Он подрезал обгоняемые машины и умудрялся проскакать в щели между автомобилями на такой скорости, что у немца, привыкшего не превышать указанную скорость, дух захватывало. На третьем светофоре, который владелец Тойоты опять проскочил на красный свет, даже не заметив своего вопиющего нарушения, Густав понял, что не готов расстаться с жизнью, как собирался несколько минут назад. Ему отчаянно захотелось влачить свое жалкое существование, пусть и вдали от дамы своего сердца, пусть даже в полном одиночестве, пусть хоть как, лишь бы живым. Он схватился за ручку на двери, которая тут же осталась в его пальцах, отвалившись даже без шума. Тогда он схватился за локоть водителя.

– Эй-эй! Папаша! – хохотнул тот, – Что, яички сжались?!

Густав не смог пояснить, что у него сжалось, кроме яичек, поскольку к этим сжавшимся органам сейчас, несомненно, относился весь речевой аппарат вкупе с дыхательным.

Дело принимало дурной оборот, потому что позади Тойоты машины визжали тормозами, а на светофорах гудели и мигали фарами. Наконец, все мгновенно закончилось. Очкастый водитель, разогнавшись, перед очередным светофором, не смог остановиться и вкатился в кузов огромного джипа. Благодаря тому, что в последний момент он все-таки попытался затормозить, а Густав, видя надвигающуюся катастрофу, принялся отчаянно молиться, повреждения у обеих машин были незначительные.

– Вот же гады! Понаставили свои драндулеты! – озадаченно произнес очкастый с видом оскорбленной добродетели.

– Был красный свет, – решил прояснить ситуацию херр Шульц, – Вы хотите ехать, а джип ждать зеленый.

– Тоже мне, гаишник нашелся, – проворчал водитель и опаской наблюдая, как двери джипа медленно открываются и из них появляются люди в черных костюмах и с такими озверелыми физиономиями, что, глядя на них, хотелось бежать, не оглядываясь.

«Поделом», – злорадно подумал немец и глянул на побледневшего водителя.

Тот, схватив мобильный телефон, набирал трясущимися пальцами какой-то номер.

«Не поможет», – усмехнулся про себя херр Шульц, который прожил в Москве достаточно долго, чтобы знать законы местных дорог. Он расслабился, приготовившись наблюдать вполне справедливое наказание дорожного хулигана. Он сказал себе, что досмотрит до финальной развязки и только потом поедет дальше по своему маршруту.

Наверное, за отсутствие сострадания Бог его и покарал. А может быть это было вполне логичное завершение отвратительного вечера. Двое верзил в черных костюмах были настолько раздражены инцидентом, что не стали трудиться, рассматривая с какой стороны в машине, нагло въехавшей в бампер их авторитетного автомобиля, находится руль. Они подошли к той двери, где, по их мнению, должен был находиться водитель, то есть к левой. С силой дернув, они раскрыли ее и вытащили за шкуру ни в чем не повинного немца.

– Ах ты гнида рыжая! – заорал ему в лицо один из верзил, – Щас я тя научу ездить. Ты у меня этот урок по гроб жизни не забудешь! Щас я твои глаза тебе же в жопу вставлю!

– Стоять! – испуганно всхлипнул херр Шульц, – Я гражданин Германии. Я есть пассажир!

Второй верзила усмехнулся, блеснув золотым зубом и начал молча предвирать в жизнь угрозу своего приятеля.

Гражданин Германии охал под наносимыми ударами, кричал какие-то несвязные оправдания и хрипел, то и дело налетая спиной на металлическую обшивку Тойоты. Разумеется, очкастый водитель даже не попытался исправить недоразумение. Он затих в салоне, видимо, соображая, что предпринять.

– Будешь лихачить! Будешь?! – повторял верзила, нанося один удар за другим по лицу херра Шульца.

– Я есть гражданин Германии! Я намерен жаловаться в посольство! – совсем не по-мужски ныл Густав, пытаясь увернуться от огромных кулаков.

Когда же стало понятно, что верзилы в черных костюмах не остановятся, пока не доведут до конца то, что пообещали, Тойота неожиданно сдвинулась с места, сдала назад и, лихо вывернувшись, укатила, завыв на прощание разбитым глушителем. Верзилы еще немного помахали кулаками, а потом остановились, глядя в сторону, куда умчался очкастый. Поглазев немного на пустую магистраль, тот, который угрожал в начале их общения, схватил Густава за грудки, с силой встряхнул, и спросил не без участия:

– Жена что ли?

Немец хрюкнул и отрицательно мотнул головой. Потом, собравшись с силами, разлепил окровавленные губы и прохрипел:

– Это водитель.

– А ты кто? – изумились верзилы.

– Пассажир, – грустно изрек потерпевший.

– Но... – второй верзила, который не держал немца за грудки, развел руками, – Как это?

– Руль у лева! – взвизгнул херр Шульц и с вызовом посмотрел на своих мучителей.

– Левый руль, что ли? – уточнил тот, по чьей вине ноги Шульца все еще не касались асфальта.

Густав утвердительно кивнул. Его бережно поставили на твердую землю.

– Ну, извини, брателла, – виновато прогнусавил тот, кто держал его за грудки, – Откуда ж нам было знать. Кто же эта тварь, кто так тебя кинула?

– Я не знаю. Я ехать у такси! – поняв, что верзила больше не собираются его калечить, херр Шульц перешел на возмущенный крик, – Я ехать у такси. Я гражданин Германии. Я не ехать у машина за лева руля! Я ехать у машина за права руля! Вы бить пассажир! Это очень, очень не хорошо!

– Согласны! – верзила оглядели его избитую физиономию, и лица у них стали еще больше виноватыми. Они снова оглянулись в ту сторону, где скрылась Тойота и добавили хором, – Вот урод!

– Слухай, – один из верзил положил ему лапищу на плечо, – Ты не сердись, бывает.

Херр Шульц, тяжело дыша, согласился. Выбора у него все равно не было.

– А давай в кабак, а? – неожиданно предложил второй, и глаза его загорелись огнем человека, собирающегося совершить благое дело, – Давай, не ерепенься! Посидим! Выпьем! Мы ж мужики! А между мужиками, чего не бывает. Ну, дали в морду по ошибке, подумаешь.

«Точно, – со злостью подумал Густав, – Не твоя же морда!»

Тем временем, его уже вели к джипу, с двух сторон с энтузиазмом уговаривая поехать выпить по такому случаю. Еще предлагали обмыть синяки и промочить горло. Намекали на то, что мужикам нечего переживать из-за синяков, что мужикам, к коим они по своему радушию причисляли теперь и херра Шульца, нужно гордиться синяками. Густав их суждения никак не разделял, но пререкаться не стал. Во-первых, это было не безопасно, а, во-вторых, ему действительно очень хотелось выпить, чтобы хотя бы на несколько часов забыть сегодняшний гадкий вечер.

Забываться херру Шульцу пришлось в странном заведении под названием «Трактир «Бутырка», который по началу вызвал в нем не самые приятные ощущения – ему показалось, что его привели в какой-то притон, где на маленьких оконцах чернели прутья решеток, да и внутри все было как-то уныло. В довершение ко всему на небольшой эстраде дурным голосом завывал какой-то мужик, состязаясь в громкости с собственным аккомпанементом.

Однако оказалось, что «Бутырка» – любимое заведение Сереги и Жеки, так представились Густаву верзила. И их тут тоже очень хорошо знали. Поэтому их усадили за лучший столик, который к неудовольствию немца оказался прямо перед эстрадой. Серега и Жека долго спорили, размахивая руками с растопыренными пальцами, на каждом из которых красовалось по аляповатой печатке. Предмет спора был херру Шульцу не понятен: парни никак не могли решить, кому сегодня заказывать блюдо под названием «Пайка пахана».

– Если очень хочется, закажи две! – попытался решить проблему Густав.

Серега с Жекой остолбенели, словно никогда не задумывались над таким выходом из сложной ситуации. Спустя несколько минут раздумий Серега серьезно изрек:

– Не... «Пайку пахана» можно есть лишь одному за столом. Если ж все будут паханами, то какой тут порядок?!

Немец ничего не понял из сказанного, но решил согласиться. Скула у него болела, левый глаз почти не видел, так что у него было не самое выгодное положение, чтобы влезать в этот странный спор. Но тут препирательства сами собой прекратились. Оба его спутника посмотрели на него и разом улыбнулись.

– «Пайку пахана» сегодня будет хавать немчура, – громко возвестил Жека. Он возложил избранному лапищу на плечо и выглядел при этом так, как, наверное, выглядел король Артур, когда он посвящал Ланселота в рыцари круглого стола.

Густав слабо улыбнулся разбитыми губами.

– А пить ты будешь пиво? – вежливо осведомился Серега.

– Я пить водка, – заявил херр Шульц, в одночасье рубя свои национальные корни.

– А раз так, – развеселился Жека, – Пить мы будем самогон. Тут подают классный самогон. Даже моя тетка в Ростове такой не гонит.

– Это точно! – подтвердил Серега.

На том и сошлись. Уже через час, херру Шульцу стало плевать, где у него какой синяк и как все это выглядит со стороны.

– Ты пойми, – грустно бормотал ему на ухо Серега, – Думаешь, мне машину жалко было? Да мне этот джип – тьфу! Я и сам сколько таких перебил, пока ездить научился как следует. Мне ведь за Россию обидно. Распустились сволочи на дорогах. Ну, хорошо мне в зад въехал, а если бы какую-нибудь бабку задавил? А дите малое? А в Жигули какому-нибудь ушастому бедолаге влупился? А этот ушастый может на свои задрипанные Жигули полжизни копил. Где справедливость?

– Да! – истово кивнул херр Шульц и потрогал левую щеку. Щека вспухла и болела.

«И черт с ней!» – легкомысленно подумал он и снова, чокнувшись, выпил стопку жгучего напитка, который по вкусу мог сравниться разве что с настойкой от пауков, которую Густав попробовал на кончик языка лет в десять из чистого интереса. Тогда язык опух и горел дня три. Теперь он чувствовал, что опух у него не только язык, но и пищевод, желудок, а также часть кишечника. И это было явно не пределом. С каждой новой стопкой вливаемая жидкость все больше и больше овладевала его организмом, грозя добраться и до головного мозга.

– Конечно, правильнее было бы вызвать ментов, – задумчивым голосом продолжал Серега, – Тем более, что я теперь как-никак тоже к закону отношение имею, – он порылся в кармане черного пиджака, выудил малиновую книжечку, раскрыл и сунул Густаву под нос, – Смотри, я ж помощник депутата. О! Но что менты! Позвали бы страховщиков, а этот хрен со своим правым рулем наверняка застраховался в какой-нибудь левой конторе, из которой деньги полгода выколачивать придется. И что потом? Потом бы все разъехались по домам, а эта сволочь уже завтра будет гонять, как и прежде, – тут он погрозил кулаком явно по адресу сбежавшего очкастого водителя Тойоты, – Но теперь он будет знать, как лихачить. Обосрался ведь со страху! То-то!

Херр Шульц мог бы поспорить с методами Сереги, поскольку его борьба за безопасность российских дорог происходила на ни в чем не повинной физиономии. Но спорить он не стал. Уже не хотелось.

***

– Твою секретаршу только за смертью посылать, – Марго красноречиво и очень пластично потянулась, после чего глянула на Мао, который, в свою очередь, плотноядно пялился на галстук Тимофея Тарасова.

– Скажи ему, чтобы прекратил, – перехватив собачий взгляд, велел обладатель аппетитного галстука.

– Во-первых, тебя никто не обязывал именно сегодня надевать галстук с коровами, – беззлобно парировала Марго, – А, во-вторых, я чуть ли не с порога заявила, что Мао хочет кушать.

– Если он хотя бы понюхает мой галстук...

Довести угрозу до конца он не успел. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге предстала раскрасневшаяся от быстрой ходьбы на высоких каблуках Тамара, глаза которой горели лихо-

радкой, а руки тряслись так, как будто она действительно страдала этим страшным недугом. Кроме того, на ней все еще болтался белый халат в кровавых подтеках, прическа растрепалась, а на лбу выступили крупные капли пота.

– Т-там... т-там... – выдохнула она и, закрыв глаза, неожиданно замолчала.

– Вы что, самолично зарезали животное, чтобы добыть кусок мяса для Мао? – удивленно вскинула брови Марго, оглядывая секретаршу с ног до головы.

– Что, Тамара?! – взволнованно спросил директор, который в отличие от Марго тут же понял, что с секретаршей случилось нечто неладное. Она никогда не позволяла себе врываться в кабинет начальника без стука, да еще в таком виде.

Тамара сделала глубокий вдох, открыла глаза и произнесла глубоким, загробным голосом:

– Там человека убили.

– Какого человека? – не понял Тарасов.

– Не знаю. Мы с господином Сазоновым пошли в холодильный цех, чтобы отрезать мяса для собаки. А там лежит человек. Мертвый, – пояснила она медленно, делая ударение на каждое слово.

– С кем вы пошли? – Тимофей потер указательными пальцами виски.

Кровь забродила по голове в ускоренном темпе, в ушах шумело. Он уже понял, о чем говорит секретарша, но какой-то частью мозга все еще отказывался верить в услышанное. Обычно в таких случаях люди восклицают: «Мне это не снится? Ущипните меня, пожалуйста».

Ничего такого директор мясокомбината восклицать не стал, он только тер пальцами виски, разглядывая исподлобья Тамару.

– С господином Сазоновым – начальником цеха деликатесов, – отрапортовала она, – Он послал меня к вам, чтобы вы решили, когда вызывать милицию.

– Точно! – ни с того ни с сего с большим энтузиазмом провозгласил окончательно растерявшийся Тимофей, – Точно! Нужно решить, когда вызывать милицию, – он вдруг замер, пытаясь осознать весь ужас новости, которая влетела в его кабинет вместе с секретаршей. Видимо, наконец, осознал и, застонав, – Господи! – уронил лицо в ладони.

– Может воды? – участливо осведомилась Тамара.

– Вы узнали мертвого человека? – промычал директор, не отнимая ладони от лица.

– Я видела только его затылок, – честно призналась секретарша, потом сочла нужным добавить, – Господин Сазонов ждет ваших указаний. Мы ничего не трогали и никому ничего не говорили.

– Понятно... – Тарасов поднял голову, посмотрел на нее большими глазами, и неожиданно по-деловому сухим голосом распорядился, – Найдите Рубцова. Пусть срочно идет ко мне в кабинет.

– Я что-то не поняла, – Марго, до этого не только не проронившая ни слова, но и не обернувшаяся к Тамаре, требовательно посмотрела на нее, – Вы мясо не принесли?

***

Николай Рубцов с утра пребывал в прекрасном расположении духа. Он проснулся в объятиях длинноногой шатенки, которую звали ни то Лена, ни то Оля. Кроме ласк под теплыми струями утреннего душа, он получил от нее прекрасный завтрак из яичницы с беконом и ароматного кофе с мягкой булочкой. Он заверил ее в вечной любви и обещал позвонить вечером. Правда, при этом забыл записать номер ее телефона.

«Все к лучшему, – подумал Рубцов, выбегая из подъезда незнакомого ему дома где-то в районе Дмитровского шоссе, – Если мне когда-нибудь захочется ее увидеть, ноги сами приведут меня к ее квартире».

Он был уверен, что, когда бы ноги его не привели, шатенка с невразумительным именем будет ему рада.

Мурлыкая под нос легкие песенки, льющиеся из динамиков радио, Рубцов докатил до завода. Паркуя на стоянке свою новенькую Митцубиси завлекающе золотистого отлива, он размышлял, что быть холостым не в пример лучше, чем быть женатым. Вот хотя бы взять сегодняшнее утро. Таких приятных утренних пробуждений у женатого человека от силы наберется с десятков. И все они уже состоялись в период медового месяца. А потом начались извечные семейные проблемы с бурными или томительно скучными выяснениями отношений, подсчетом семейного бюджета, обсуждением того, что нужно купить в магазине, забрать или отнести в химчистку и так далее, так далее до самого развода или счастливой, конечно, с Рубцовской точки зрения в кавычках, смерти в один день. У Николая же медовый месяц продолжался с момента его полового созревания и по сей день. Не отягощенный серьезными отношениями он всегда имел цветущий вид, прекрасное настроение и тугой кошелек.

Войдя в помещение проходной, он застал забавную сцену: охранник никак не желал впускать на территорию завода херра Шульца, который, по мнению охранника, не соответствовал принятым нормам санэпиднадзора, а проще сказать имел жуткий вид.

– Вот, – кивнув на немца, возмущенно пояснил охранник своему начальству, – Утверждает, что он наш главный технолог. Николай Георгиевич, я прекрасно знаю в лицо нашего главного технолога, он совсем не похож на этого бомжа, от которого винищем разит, как от пивного ларька!

– Я есть Густав Шульц. Господин Рубцов, сказать ваш цербер, я есть Густав Шульц.

– Херр Шульц? – удивился Николай, оглядывая немца, – Вы же должны были весело провести время с Марго? Где вы провели эту ночь?

– Я быть у Бутырка, – устало изрек главный технолог и, потрогав подбитый глаз, поморщился.

– У Бутырки? – еще больше изумился Рубцов, – На тротуаре что ли ночевали?

– У Бутырка! У! – херр Шульц обеими руками изобразил некое подобие плавания в стиле кроль.

– Внутри что ли? – уточнил начальник охраны.

– Йа, йа! – закивал немец.

– Н-да... – протянул Николай, и, обняв несчастного за плечи, повел мимо очумевшего охранника, – Надо это обсудить.

Теперь, спустя полчаса объяснений, он, наконец, отпустил немца и в припрыжку бежал по лестнице к кабинету директора. На лице его застыла широченная улыбка.

«Ох, если бы у меня был нужный дар, точно настроил бы фельетончик! – весело думал он про себя, – А так придется довольствоваться парой минут внимания в компании! Ну, и анекдот!»

Забежав в приемную Тарасова, он краем глаза увидел секретаршу, которая выглядела, прямо скажем, не лучшим образом. Она названивала по телефону, а когда увидела Рубцова, просто остолбенела, словно столкнулась с приведением.

– Ты чего, Тамара?! – он задержался на мгновение.

– Ой, а я как раз вас разыскиваю, – странным деревянным голосом сообщила девушка, – Проходите, Тимофей Петрович вас ждет.

– Да? – еще больше удивился Рубцов, – Он что, уже знает?

– Разумеется, – грустно ответила Тамара.

Николай нахмурился. Непохоже, чтобы Тамара так горевала из-за разбитой физиономии херра Шульца. Тем не менее, он распахнул дверь кабинета и радостно сообщил с порога:

– Слушай, я тебе сейчас такое расскажу, обхохочешься.

– Уже обхохотался до полусмерти! – ответил директор предприятия таким тоном, что Рубцову расхотелось рассказывать анекдот, посвященный ночному приключению херра Шульца.

Теперь он увидел, что в кабинете сидит еще и Марго, на руках у которой все та же мерзкая собачонка, а цвет лица Тимофея приближен к широко рекламируемой на телевидении бумаге для принтера. Белый, как альпийский снег.

– Ну и? – осведомился начальник охраны.

– Коль, у нас труп!

– Не смешно, – ответил Рубцов.

– Сам знаю...

– Слушайте, мне надоело! – неожиданно возмутилась Марго, – Полчаса какого-то дешевого спектакля! Сейчас как в мексиканском сериале новость пойдет по заводу, и все начнут заламывать руки, закидывать головы и закатывать глаза. Я не дождусь своего кофе, а моя собака так и не съест мясо. И я, кстати, совершенно не вижу связи между моим кофе и трупом на заводе. Если, конечно, не убили того, кто должен был мне этот кофе доставить!

– Марго! – воскликнул Тарасов, – У нас проблема!

– Ну, так пойдемте и решим ее поскорее, – она поднялась, всем своим видом выражая негодование, – А то я до вечера просижу, так и не выпив свой утренний кофе.

– Если уж на то пошло, – Тимофей тоже встал из-за своего стола, – Ты можешь доехать до ближайшего приличного кафе и там выпить свой утренний кофе!

– Вот! – она подняла палец кверху, – Ты уже начал срывать зло на окружающих. Это очень неправильно! Это нетактично и безнравственно!

Она вышла в приемную и строго посмотрела на секретаршу:

– Идемте, милочка, покажите ваш труп. Если мы с вами не пойдем, то дело с места не сдвинется!

– Марго! – закричал Рубцов и выбежал за ней из кабинета, – Я не уверен, что ты можешь идти на место преступления.

– Вот я и говорю, – обратилась Марго к молчаливой секретарше, – Если уж начальник охраны не уверен, то кофе я до утра не дождусь. Ну и бардак!

– Марго! – Тимофей тоже выскочил в приемную, – Не нужно тебе туда ходить. Убийство – это не твое дело.

Она глянула на него снизу вверх несмотря на то, что он был выше ее больше чем на голову, и сухо заявила:

– Я акционер этого предприятия. И я сама решаю, что тут мое дело, а что не мое. Вот если бы мне вовремя принесли кофе, а моему многострадальному Мао кусочек мяса, я бы уже давно ехала где-нибудь в районе Садового кольца. А теперь уж будьте добры проводить меня туда, где лежит ваш труп.

Глава 5.

Стоят две блондинки на мосту. Одна из них смотрит вниз и говорит:

– Это Москва-река.

Другая тоже смотрит вниз и говорит:

– Нет, это Волга.

– Нет, Москва-река!

– Нет, Волга!

Так они спорят минут 15, затем первая говорит:

– А вот я сейчас проверю!

Раздевается, прыгает с моста вниз, затем где-то через полчаса возвращается с разбитой физиономией и говорит:

– Это не Москва-река и не Волга – это Варшавское шоссе.

(Из сборника анекдотов)

Капитан МВД Игорь Юрьевич Изотов почесал коротко стриженный затылок и тяжело вздохнул: дело об убийстве на мясокомбинате изначально выглядело настолько запутанным, что распутать его не представлялось возможным.

Ну, во-первых, личность убитого установить не удалось, потому что при нем не нашли никаких документов. Кроме того, начальник отдела кадров – толстуха с трясущимся от страха подбородком, сообщила, что он в штате комбината не числился, да и в глаза она его прежде не видела. Это же подтвердили и опрошенные охранники, включая их начальника, и сам директор предприятия. Еще бы! Убитый-то был китайцем!

Во-вторых, совершенно непонятно, как и почему он проник на хорошо охраняемое предприятие, и кем был застрелен. Оружие убийства, эксперт, по предварительной оценке, вроде банальное – пистолет ТТ, но вот чье оно...

В-третьих, и это самое странное, убитый был одет в халат главного технолога завода, некоего херра Шульца. На халате этом так и было вышито «Густав Шульц. Главный технолог». Иными словами, было совершенно непонятно, хотел ли убийца застрелить самого китайца, либо перепутал его с Шульцем, прочитав вышивку на халате. Но, в общем-то, и не это так туманило мозги капитана Изотова. В конце концов, он раскрывал и более темные дела. Сейчас его смущала белобрысая дамочка, которая уже второй час без устали тараторила ему на ухо, мешая сосредоточиться и вечно оказываясь поблизости, куда бы он ни направлялся.

– Понимаете, Игорь! – задушевно продолжала Марго, а это была, конечно же, она, – Я вижу в этом преступлении свой китайский след.

Изотов даже не пытался вспомнить, когда это она стала называть его запросто, по имени. Он так устал от ее воркования и ему так надоели завывания ее пучеглазой псины, что он был согласен хоть на китайский, хоть на монгольский, хоть на какой угодно след, который она сочтет нужным признать.

– Я только что вернулась из Пекина, – в десятый раз доверительно сообщила Марго, – В Пекине я познакомилась с двумя монахами...

– Послушайте, – капитан взглянул на нее покрасневшими глазами, – Я прекрасно помню вашу историю о растлении несчастных монахов буддийского монастыря. Вы мне ее уже рассказали. И не один раз.

– И про их обет безбрачия? – искренне удивилась Марго, как будто эта часть ее монолога не являлась ключевой.

– И про это тоже, – кивнул капитан.

– Но ведь тогда вам должно быть все понятно, потому что этот убитый китаец как раз похож на одного из моих монахов.

– На какого именно? Имя. Адрес.

– Да кто ж их разберет, – ухмыльнулась Марго, – Они же все на одно лицо.

– Вот видите, – наставительно изрек Изотов, – Таким образом, мы можем предположить, что вы ошибаетесь, и убитый вовсе не один из ваших монахов.

– Это еще почему?

– О, Боже! – следователь закатил глаза. Он не мог ответить на этот вопрос.

– Вот! – торжественно известила его Марго, – Считайте, что раскрытие преступления у вас в кармане.

– Как это?

– Ну, уж как раскрыть – это вы сами должны думать. В конце концов, вы же следователь, – туманно предположила Марго.

– Послушайте, – глухо пробормотал Изотов, стараясь не смотреть на красивую и ужасно глупую блондинку, – Вы можете быть спокойны. К вам это убийство не имеет никакого отношения.

– Если я говорю, что имеет, значит, имеет, – настаивала Марго, – Как только я увидела лицо этого... трупа, я сразу подумала о Пекине. Там таких экземпляров навалом. И все живые. И ведь кому-то могло не понравиться, что я провела подрывную деятельность среди монахов. Может быть, они послали своего якудзу меня убить, а этот доблестный монах встал на мою защиту, ну и попали в него, – она обезоруживающе улыбнулась ему, – Вот видите, я практически раскрыла это преступление.

– Вы читаете слишком много детективов, – не без иронии заметил капитан МВД.

– Я?! – Марго явно обиделась, – Я что, похожа на домохозяйку, читающую всякую чушь? Да я вообще ничего не читаю, кроме Космополитена.

– А... – обескуражено протянул Изотов, – Извините.

В этот момент он твердо решил провести воспитательную беседу с дочерью о пагубном влиянии глянцевого журнала на мозги подрастающего поколения. А заодно и выбросить к чертям собачьим всю ее подборку Космополитена.

– Вот, что я вам скажу, – Марго уселась напротив него и закинула ногу на ногу с таким видом, словно собиралась просидеть на этом стуле как минимум часа три, – Слушайте меня, и у вас все получится. Тут без шпионов не обошлось.

У Изотова разболелся зуб. Он поморщился и проскрипел:

– Господи, а шпионы-то тут при чем? Китайские монахи еще туда-сюда, но шпионы...

– Ох! Это же ясно как божий день! – закатила глаза Марго, – Китаец был застрелен из пистолета ТТ, а кто в основном стреляет из пистолета ТТ? Правильно, всякие агенты национальной разведки, то есть шпионы. Есть еще вопросы?

– Есть! – возмущенно рявкнул капитан МВД, – Во-первых, откуда вам стало известно о пистолете?

Он требовательно посмотрел на собеседницу, что ее совершенно не смутило, хотя под его взглядом кололись матерые рецидивисты. Она лишь опустила длинные, обильно накрашенные ресницы, как-то трогательно вздохнула и произнесла, бросив лукавый взгляд в сторону все еще копошившегося у места преступления судмедэксперта:

– Хм... наверное, оттуда же, откуда и вам...

– Бардак! – к своему удивлению, совершенно беззлобно выругался Изотов.

Ведь еще пару минут назад он хотел разорвать эту дамочку в клочья, а теперь ему стало как-то неудобно даже дерзить столь беззащитному и явно неумному существу, которое как дитя не ведает, что творит, – Ну, хорошо, зачем, по-вашему, шпионы устроили свои разборки на территории завода?

– Мало ли... – легкомысленно заявила Марго и почесала за ухом свою собачку, от чего та взвыла с новой силой, – Вот, к примеру, наши технологии. Вы знаете, какую прекрасную колбасу разработал херр Шульц по своим секретным немецким рецептам? Да все конкуренты за этими рецептами гоняются. И я бы на вашем месте не пренебрегала этой версией. Все-таки убитый китаец одет в халат херра Шульца.

– А согласись, идея подсунуть ему Марго, была не плохой, – самодовольно заключил Рубцов, глядя как в стороне, следователь страдает от ее натиска.

– Хорошая идея, – без энтузиазма ответил Тарасов, растирая нервный комок на шее, – только я не понимаю, зачем нам нужно грузить этого бедолагу. Он и без Марго, похоже, ни черта сообразить не может.

– Ну, черта или ни черта – этого мы не знаем, – парировал начальник службы безопасности, – Мужик он матерый, и вполне возможно, что без Марго, которая славится разрушительной силой на мозговую деятельность окружающих, он бы додумался до чего-нибудь нам невыгодного.

– Ну-ну... – Тимофей вздохнул, и усмехнулся, – Разрушительная сила! Прямо тяжелая артиллерия.

– А что ты думаешь, на себе ни раз проверено. У меня при ней ничего кроме мата в голове не удерживается! А пока она путает мысли нашего капитана, у нас есть время оправиться и перекурить.

– Вот ты только тем и занимаешься, что оправаляешься и куришь! – ругнулся директор предприятия.

– Хочешь сказать, что тебя не устраивает моя работа? – решил обидеться Рубцов.

– Хочу! – гневно прошипел Тарасов и с остервенением потер шею, – На заводе полгода мясо крадут тоннами, а теперь еще и китайцев глушат. Это, по-твоему, хорошая работа начальника службы безопасности?! Я даже представить себе не могу, что начнется, если этот следователь докопается, что у нас мясо налево уходит. Он ведь тут же начнет подозревать нас с тобой черт знает в чем!

– Вот поэтому мне и нужно время, – наставительно проговорил Рубцов, – Кроме того, я позвонил по своим каналам. Мои пытаются выяснить, откуда взялся этот китаец.

– И чего?

– Когда выяснят, ты будешь первым, кому я расскажу, – отрезал Рубцов, сразу приобретя какую-то особенную значимость. Потом он подергал себя за мочку левого уха и добавил, – Главное, чтобы наш немецкий хер ни о чем не проболтался. С ним я беседу, конечно, уже провел, но черт знает, что в его башке творится. Херр Шульц наше слабое звено.

– Можно подумать, у нас есть сильные звенья, – грустно ответил Тимофей.

На что начальник охраны усмехнулся и кивнул в сторону Марго:

– Вон наша козырная дама!

– Ну да... а вон и наш козырной валет пожаловал... – при приближении херра Шульца, Тарасов застыл, потеряв дар речи.

Вид у немца был жуткий. Кроме наложенных на ссадины многочисленных пластырей, все его лицо было покрыто толстым слоем тонального крема, отчего он походил на мумию, здорово траченную временем.

– Просто Восставшие из ада! – тихо пробормотал Рубцов, и участливо осведомился у подошедшего к ним немца, – Что это вы с собой сделали, херр Шульц?

– У бухгалтерия работать добрый фрау. Дать мне немного косметики. Мне не хорошо идти у полиция за такой лицо.

– Ну и ладно! – Рубцов стрельнул глазами на Тарасова, который вознамерился объяснить главному технологу, что «за такой лицо», с каким он предстал сейчас, идти «у полиция» еще хуже, – Главное, херр Шульц не стоит упоминать о несоответствии входа с выходом мяса в

колбасном цехе, – еще раз напомнил Рубцов, беря технолога под локоть и ведя к следователю, изнемогающему от непрерывного воркования Марго, – Мясо никоим образом не относится к ночному преступлению.

– Но мне звонить какой-то Иван Петров. Он просит ехать у завода.

– Об этом мы с вами после поговорим, – все так же наставительно увещевал его начальник охраны, – Это внутренние дела предприятия. Вам же знакома корпоративная этика.

– Йа, йа, – понимающе кивнул херр Шульц, впервые услышав от Рубцова более – менее вразумительную причину своего вынужденного молчания, – Я отвечать на вопрос. Если полицей не спрашивать меня за мясо, я не отвечать. А если спрашивать, я... – он задумался на мгновение, сопоставляя два понятия: корпоративную этику и дачу ложных показаний. Наконец, решительно произнес, – Тогда я звать мой адвокат.

– Да подождите вы с адвокатом. Позовите меня, и мы все решим, – поморщился Рубцов, представив, что подумает следователь, если после какого-нибудь безобидного вопроса херр Шульц впадет в истерику и потребует присутствия защитника. Будь он на месте этого Изотова, он бы тут же задержал до выяснения, по опыту зная, что ни с того ни с сего адвокатов не зовут.

– А вот и главный технолог нашего предприятия, херр Шульц, – ласковым голосом представил его начальник охраны уставшему следователю.

Пауза, взятая на осмотр экспоната, явно затянулась. Первой разомкнула губы Марго:

– Густав, вы попали лицом в промышленную мясорубку?

– А я и не знал, что тебе известно о существовании такого сложного агрегата, – Сладко пропел Рубцов, хватая Марго в охапку и оттаскивая ее от места встречи технолога со следователем.

– Я хочу послушать, – она упиралась.

– Пойдем, я все тебе расскажу, – пытая от натуги, пообещал ей Рубцов, оттаскивая подальше.

На прощание Изотов одарил его благодарным взглядом. Затем он обернулся к немцу, предложил ему сесть на стул напротив его импровизированного стола у двери в холодильный цех и участливо осведомился:

– Где это вы так?

– Эта ночь я быть у Бутырка, – охотно ответил херр Шульц заученную фразу.

Вместе с Рубцовым они полчаса составляли внятный рассказ о его ночных похождениях, вычеркивая лишние детали, которые могли бы навести следствие на проблему кражи мяса из колбасного цеха. К примеру, убрали звонок неизвестного Ивана Петрова.

– У Бутырка? – неприятно удивился следователь, – В Бутырке что ли?

– Йа, йа! – согласился немец, не понимая, почему «полицай» как-то сразу сник и озлобленно пробормотал:

– Совсем озверели! Зачем по лицу-то бить!

– Я есть пайку пахана, – бодро заявил херр Шульц и выжидательно посмотрел на Изотова, у которого в этот момент челюсть упала на стол.

– Ничего себе! Они что сунули вас в общую? К рецидивистам? А вы сообщили, что вы гражданин Германии?

– Йа, йа. Но они меня уже хорошо отбить, – херр Шульц мягко улыбнулся разбитыми губами, показывая, что на своих обидчиков зла больше не держит, испытывая к ним, скорее снисходительную приязнь.

– Охринеть можно! – не сдержался следователь, – А за что вас в Бутырку-то? Туда же с улицы вроде как не хватают?

– Я ехать пассажир у машина за лева руля. Машина бить джип. Я сидеть у Бутырка за разом с мужами у джип. Я есть пайка пахана и пить сама гонки.

Изотов вздохнул и принялся писать протокол допроса. Мучить несчастного расспросами ему больше не хотелось. Во всяком случае, не сегодня. Он и так настрадался этой ночью.

– Вот только его нам не хватает! – мрачно пробормотал Тарасов, глядя, как в цех мясных деликатесов деловым шагом заходит его родной брат Иван.

– Интересно, от кого он узнал? – недовольно прошипел Рубцов.

– Шутишь?! – усмехнулся Тимофей, – На заводе полторы тысячи работников. Кто-нибудь да стучит. Кстати, узнать кто – это тоже твоя работа.

– Ты меня сегодня совсем с грязью смешал, – укорил его начальник службы безопасности.

На что получил ответ, достойный директора, а не друга:

– Может теперь ты перестанешь забивать голову только тем, с кем бы тебе трахнуть следующей ночью, а подумаешь о деле.

Парировать Рубцов не успел. Иван подошел к ним и, поздоровавшись, не без радости спросил:

– Что, доигрались в начальников? Теперь у вас уже и трупы на предприятии?

– Вань, – примирительно начал Тимофей, – Уж поверь мне, труп с нашим предприятием никак не связан. Этот труп у нас даже не работал.

– Не связан? – хохотнул брат, – Я тебе скажу, какая связь: его нашли в холодильном цехе твоего завода! И как он, спрашивается, попал ночью на территорию охраняемого объекта? – тут он уставился на Рубцова, которому и без него этот вопрос за несколько треклятых часов задали раз двести.

Он и сам себя спрашивал, как мог посторонний проникнуть на территорию, когда она охраняется целым взводом его бойцов. А поскольку китайца кто-то еще и пристрелил посреди завода, то проникших на территорию незаметно было как минимум двое. Как же они ухитрились не только попасть на завод, но и устроить там перестрелку?

– Послушай, Ванька, всякое бывает, – все еще пытался урезонить брата Тимофей, – Ну, мало ли, люди повсюду устраивают разборки. Ты же не станешь винить работников ЖЭКа если на их территории кого-нибудь грохнут.

– Еще как стану, – младший Тарасов совсем не желал урезониваться, – И я непременно подниму этот вопрос на ближайшем заседании акционеров.

«Ну, подними, – со злостью подумал Тимофей, – Этот подними. Только другие не трогай!»

Тут у него снова заныла шея, потому что он вспомнил, что так и не успел подготовиться к завтрашней встрече с генеральными поставщиками говядины, которые, по слухам, вознамерились поднять цену на свой товар, в связи с повышенным на него спросом, поскольку все теперь хотят есть говядину, боясь есть птицу из-за треклятого птичьего гриппа.

«Кто бы мог подумать, – сокрушался про себя Тимофей, – что болезнь, косящая поголовье птицы в любимом Марго Китае, так здорово ударит по моему карману в Москве. Парадокс, мать его!»

– Боже мой, какая встреча! – пропела Марго, не обращая внимания на тут же скисшую физиономию Ивана Тарасова.

Она уже успела отдохнуть после, как она выразилась, «изнурительного допроса» и теперь пылала взором во всеоружии:

– А тебе я рассказывала про китайских монахов?

– Пять раз, – рявкнул Иван, пытаясь вырвать локоть из ее цепких пальчиков и вглядываясь в сгорбленную фигуру херра Шульца у стола следователя, – Мне кажется, или у него что-то с лицом?

– Ай, – поморщилась Марго, – у него всегда что-то с лицом. Хотя сегодня, пожалуй, чересчур, – тут она серьезно посмотрела на него, прищурилась, явно что-то пытаясь вспомнить, – Вань, вот когда ты появился, у меня мысль возникла... знаешь, мимолетная такая...

– Не верю, – огрызнулся младший Тарасов, – В твоей голове даже мимолетная мысль явление крайне редкое. Практически невозможное.

– Ты ужасно грубый, невоспитанный тип, – беззлобно проворковала Марго и ласково взглянула на своего песика, безвольно свесившего пучеглазую головку у нее на запястье, – Мао, укусил бы ты его что ли...

Неожиданно собака наострила уши, дернулась и без единого рыка вцепилась в рукав Ивана.

– А! – заорал тот, – Оттащи свою бешенную псину! Нет, вы только посмотрите, она на меня собаку натравила.

– Ну, да! Прямо волкодав! Есть от кого спасать! – хохотнул в стороне Рубцов, глядя как младший Тарасов пытается отодрать от рукава своего пиджака собачью морду.

Мао свирепо брызгал слюной, рычал и уступать не хотел.

– Надо же! – изумилась Марго, глядя, как ее питомец пожирает рукав Ивана, – Я и не знала, что он умеет.

– Скажи ему, чтобы отстал! – проорал младший Тарасов, – Иначе я его пристрелю.

– Ну, конечно! – неожиданно Марго понимающе улыбнулась и аккуратно взяв собаку за морду, вынула из ее зубов ошметки рукава, – Как я могла забыть!

– Этот костюм стоит три тысячи долларов! – взвизгнул пострадавший.

– Ну... ты не знаешь, сколько стоит эта собачка, – мягко улыбнулась ему Марго.

– Лично я теперь отдам за нее полцарства, – весело заметил старший Тарасов.

– Тебе скоро со всем царством целиком расставаться, – пригрозил ему брат, – так что не разбазаривай мое добро.

– Господин Рубцов! – окликнул его херр Шульц, и голос у него был какой-то странный, – Я ничего не понимаю! Я плохо читать по-русски такой буква.

В руках он держал листок бумаги, который ему минут десять назад передал следователь. Он смотрел на него глазами полными ужаса. Примерно такими же глазами смотрел на самого херра Шульца Изотов.

– Да уж, господин Рубцов, нам требуется ваша помощь, – деревянным голосом изрек он.

Начальник службы безопасности поспешил на выручку, еще точно не понимая кому: то ли технологу, то ли представителю закона.

– Господин Рубцов, – разбитые губы херра Шульца тряслись, – Я не понимаю этот бумага.

Николай взял в руки листок и громко прочел:

– «Протокол допроса свидетеля». Так, – он внушительно нахмурил брови, – Пока все правильно.

– Я записал с его слов, – словно извиняясь, пояснил Изотов, – Может я что-то не так понял, но, когда он прочел, с ним что-то неладное случилось.

«Что же ты такое наплел?» – волнуясь, подумал Рубцов и громко зачитал записи следователя, выполненные аккуратным, каллиграфичным подчерком:

«Я Густав Шульц, гражданин Германии, в ночь с 25 на 26 июля 2005 года, около 12 часов, был задержан органами правопорядка и препровожден в отделение милиции. Оттуда меня направили в СИЗО Бутырка. Несмотря на то, что я сообщил начальнику СИЗО о своем германском гражданстве, меня все-таки поместили в камеру с особо опасными преступниками. Рецидивист по кличке «Пахан» спровоцировал мое избиение, инкриминируя мне, что я яко бы съел его ужин. Утром меня выпустили, не дав никаких объяснений моему задержанию. С моих слов записано верно, подпись, дата...»

Начальник охраны уставился на Изотова. Тот виновато улыбнулся и пробормотал:

– Я, конечно, не могу принести извинения за действия всех, кто служит в милиции. Везде, знаете ли, своих отморожков хватает. Но, честно говоря, я бы это дело так не оставил...

– Да вы что?! – возмутился Рубцов, на которого в этот момент нашла волна лихорадочного веселья, – Вы с чьих слов это записали?

– Со слов свидетеля, – Изотов прищурился, чувствуя подвох, – Я что-то неправильно понял? Хотя, знаете ли, я многое, конечно, упустил, поскольку меня запутали какие-то гонки и левый руль у какой-то машины тоже никуда не сумел присобачить...

– Само гонки, – дотошно поправил его немец, – Само! Гонки! Я пить само гонки!

– Господи! – Рубцов вернул листок допроса следователю, – Самогонку он пил в трактире «Бутырка», слышали о таком?

– То есть на протяжении всего допроса, – осторожно переспросил Изотов, – Речь шла о кабаке?

– Ну, да! Там его и избили, и блюдом с названием «Пайка пахана» накормили.

– Черти что! – ругнулся усталый капитан и, смяв свою писанину, уставился на херра Шульца, – Чего же ты мне мозги-то битый час полоскал?!

– Мозги... полоскал... – протяжно повторил Густав, явно представляя, как это может выглядеть.

– Да, ну вас! – обиделся следователь, – Я уже голову пеплом собрался посыпать, а вы шутки шутить!

– Помилуйте, какие шутки, – перешел на дружеский тон начальник охраны, – Просто языковой барьер. С кем не бывает. Мы вот с ним даже работать умудряемся.

Изотов глянул на немца:

– Есть кому подтвердить, что вы были в ресторане?

– Йа, йа, – охотно закивал тот, и, достав из кармана визитку, протянул ее следователю.

«Сергей Сергеевич Поливайло, – прочел Изотов, – Помощник депутата государственной Думы».

– Ну, придется теперь разыскивать этого Поливайло, – тоскливо пробормотал он и сунул визитку в записную книжку.

– Я подозревать? – взволновано спросил Густав.

– Кого? – опять не понял Изотов.

– Нет-нет, – быстро поправил Рубцов, уводя разговор от опасной черты, – Херр Шульц спрашивает, подозревают ли его в чем-либо?

– А как он может объяснить, что убитый китаец был одет в его халат? – обратился следователь к начальнику охраны, решив для верности фактов вести допрос через переводчика.

– Мой халат всегда закрыт у мой кабинет, – строгим голосом отчеканил немец, как будто кто-то просил его поносить его рабочую одежду.

– У кого могли быть ключи от кабинета херра Шульца? – теперь уже вопрос был адресован непосредственно начальнику службы безопасности.

– По правилам все ключи находятся на вахте. Дубликаты ключей в моем сейфе. И за их сохранность я отвечаю лично. Я сегодня уже проверил, все на месте, – четко отрапортовал Рубцов.

– А вы были в своем кабинете? – спросил Изотов у немца.

– Я прибыть сюда после туалет, – ответил Густав.

– Хм... а до туалет вы прибыть у свой кабинет? – тут следователь поморщился, – Тьфу ты, с вами, пожалуй, по-русски говорить разучишься. Вы были сегодня в своем кабинете или нет?

Шульц задумался, потом уверенно ответил:

– Нет время, нет время.

– Понятно... – протянул капитан, хотя в этот момент он ни черта уже не понимал.

И что хуже всего соображал тоже с трудом. Шутка ли сначала выдержать двухчасовой натиск белобрысой идиотки, которая запутала его своими туманными отношениями с китайцами, теперь вот еще этот плохо говорящий немец. Ну и контингент на этом предприятии.

И какой дурак покупает у них колбасу! Изотов покосился на Рубцова и наметанным глазом определил его как человека весьма ветреного, потом он глянул в сторону директора всего этого дурдома.

«Господин Тарасов – неуверенный в себе тип, еще и дерганый к тому же, – подумал следователь, – Единственный, кто с первого взгляда заслуживает доверие, так это новенький, коренастый молодой человек, со злым взглядом, которого едва не растерзала облезлая псина блондинки. Вот с кем необходимо наладить контакт! Сразу видно – человек дела, бизнесмен средней руки, работяга, на которого можно положиться. У него и мозги на месте, и с речью все в порядке, и камня за пазухой не припрятано, как у этих Рубцова с Тарасовым, которые явно что-то пытаются скрыть от следствия. К тому же он недоволен происходящим и не будет играть на стороне дирекции завода».

– Надо бы зайти к вам в кабинет, господин Шульц, – пробормотал Изотов, поднимаясь.

– Херр Шульц, – дотошно поправил его Густав.

– Он любит, чтобы его называли херром, – весело пояснил Рубцов, с опаской глядя, как Изотов направляется к Ивану.

Вот уж с кем ему не стоило бы дружбу водить. Иван же, видя приближающегося представителя закона, расправил плечи и бросил победоносный взгляд в сторону брата.

– Здравствуйте, меня зовут Игорь Юрьевич Изотов, – представился он младшему Тарасову, – Я веду дело об убийстве на этом заводе.

– Иван Тарасов, – буркнул тот и пожал руку следователю, – Надеюсь, вы доведете свое дело до логического конца. Мне как акционеру этого предприятия очень хочется знать, откуда в холодильном цеху взялся мертвый китаец. Пока ни служба безопасности, ни директор завода никаких вразумительных объяснений мне дать не смогли.

– Ванька, прекрати, – пытаюсь быть веселым, окликнул его Тимофей, – а то ты сейчас договоришься до того, что это мы с Рубцовым прихлопнули несчастного. А Марго нам помогла.

– А с Марго я потом разберусь! – к великой радости Изотова пообещал младший Тарасов, – Вот что она делает в производственной части предприятия мало, что без халата, так еще и с собакой на руках?!

– Вообще-то мы все тут без спецодежды, включая и тебя! – раздражаясь, напомнил ему брат.

– Во всяком случае, мы хоть животных сюда не притащили.

– Я бы хотел поговорить о том, что творится на предприятии, так сказать с лицом со стороны... – вежливо предложил Изотов Ивану, заметив при этом, что фраза «со стороны» была для него болезненной.

«Отлично, – подумал он, – Обойденный родительской любовью младший отпрыск, завидующий старшему. Как важно найти болевые точки у клиента. С этим мы точно сработаемся. Он мне сейчас всю подноготную этого предприятия выложит. Может что и прояснится».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.